

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Идея империи в Византии в эпоху императора Юстиниана (527 – 565) (к истории общественно-политической и правовой мысли ранней Византии)

Сергей Цоя

Введение

В эпоху Юстиниана Византия переживала свое возрождение. Античное общество после потрясений V века (распад Римской империи на два государства и последующее падение Западной Римской империи) как бы пыталось взять реванш, восстановиться в прежнем своем великолепии и даже в чем-то превзойти самое себя.

Стержнями эпохи стали: 1) внешняя политика, направленная на восстановление Римской империи в ее прежних границах; 2) дальнейшая адаптация христианства в империи и, в этой связи, продолжение разработки теории власти, а точнее, постепенное соединение античных и христианских традиций и понятий в единое целое и создание на основе этого нового качества; 3) кодификация права и унификация Церкви, что стало превращаться в инструмент управления империей. Именно разрешение этих вопросов во многом окончательно оформило как византийскую, так и христианскую цивилизацию в том виде, как мы ее знаем. Поэтому считаем необходимым специально остановиться на этом¹.

Важнейшим понятием данной эпохи, как

мы полагаем, являлась идея империи. Многое в мире изменилось, и Византия уже не в полной мере соответствовала Риму. В то же время отказа от идеи исключительности своего государства не последовало. Имперская традиция продолжалась, но на несколько иной основе и в иных условиях. Необходимо разобраться, как же происходила самоидентификация ромейского (то есть римское в греческом произношении) государства и всего связанного с этим.

Идею империи в данном контексте мы понимаем как комплекс представлений об империи, обладающий определенной стройностью и систематичностью². Наиболее важные моменты здесь: великодержавность, понятие исключительности своего государства, территория империи и ее место в мире, концепция власти и инструменты управления (в контексте работы последнее — это тенденции к унификации). Рассмотрению этих вопросов главным образом и посвящена работа. По данным блокам строится и ее структура.

В работе был привлечен большой объем источников: сочинения современников событий, архитектурные и художественные памятники той эпохи³. Многообразие источников позволяет посмотреть на проблему разносторонне, они дополняют друг друга, давая возможность

видеть разные срезы вопроса. Важность этого подтверждает тот факт, что рассматриваемый главный вопрос не был в одном месте четко и лаконично зафиксирован. Не существовало в то время никакого специального сочинения на указанную тему, ставшего квинтэссенцией взглядов всей эпохи. Поэтому идея империи в Византии эпохи Юстиниана есть образ собирательный, сконструировать его возможно лишь, используя разнообразные источники.

Несмотря на обилие литературы, посвященной времени Юстиниана, проблему идеи империи специально никто не рассматривал⁴, хотя это являлось одной из центральных тем той переломной эпохи.

Примечания:

¹ Рассматривая данные вопросы, мы не стремились к их всеобъемлющему охвату, затрагивая их лишь в контексте указанной темы работы и останавливаясь часто только на основных тенденциях.

² Идея империи в данном контексте есть понятие более широкое, чем идеология империи, ибо это не только набор идей, служащих политическим целям. Понятие идеи здесь применяется и как самодостаточный образ, опосредованно влияющий на общественные процессы и политику. К тому же сам термин идеология появился в XIX веке, и его не всегда корректно относить к политическому, правовому и религиозному сознанию византийцев.

³ Привлеченные источники необходимо разделить на следующие группы: 1) Огромный свод законодательства Юстиниана, состоящий из четырех частей: Кодекс, Дигесты, Институции, Новеллы. 2) Светские историки и писатели. Это современники Юстиниана и те, труды которых были написаны несколько позже: Прокопий Кесарийский, Агафий Миринейский, Петр Патрикий, Менандр Протиктор, Иоанн Лид, поэт Павел Силенциарий, также анонимный трактат «О политической науке». 3) Церковные историки и писатели. Евагрий Схоластик, Агапит, Иоанн Малала, Кирилл Скитеполит. 4) Кафедральный собор Святой Софии в Константинополе, мозаики «Приношение Юстиниана» и «Приношение Феодоры» из Равенны, Сан-Витале. Другие мозаики и статуи, не дошедшие до наших дней, но сохранившиеся в описаниях. 5) Дополнительные источники. Это труды некоторых авторов Западной Европы VI века: «Гетика» Иордана, «История Франков» Григория Турского; сочинения классиков античной и христианской мысли, начиная со Священного писания – Библии. Также в работе упоминаются наиболее известные

Учителя Церкви и церковные историки предшествующего периода: Евсевий Памфил, Сократ Схоластик, Аврелий Августин; античные авторы: Платон, Аристотель, Цицерон, Арриан, Плиний Младший, Светоний и Аврелий Виктор; некоторые памятники права других эпох: «Институции» Гая, сборник законов VIII века «Эклога». Подробнее см. литературу: Cameron Av. *Procopius and the Sixth Century. Classical life and letters.* London: Variorum reprints, 1985; Cameron Av., Cameron Al. *Christianity and Tradition in the Historiography of the Late Empire. The Classical Quarterly, New Series*, 1964, Vol. 14, Nr. 2, P. 316-328; Hunger H. *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner.* Bd. 1-2. München: C. H. Beck, 1978; Kaegi W. E. *Byzantium and the decline of Rome.* Princeton: Princeton University Press, 1968; Karayannopoulos J., Weiss G. *Quellenkunde zur Geschichte von Byzanz.* Wiesbaden: Harrassowitz, 1982; Krumbacher K. *Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des Ostromischen Reiches (527-1453).* 2. Aufl. München: C. H. Beck, 1897; Ševčenko I. *Agapetus East and West. The Fate of a Byzantium „Mirror of Princes”.* In: Ševčenko I. *Ideology and culture in the Byzantine world.* London, 1982. P. 3-44; Tinnefeld F. H. *Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen historiographie von Prokop bis Niketas Choniates.* München: Fink, 1971; Бенедикти Р. *Взятие Рима Аларихом: К вопросу об историографическом методе Прокопия Кесарийского.* ВВ, 1961, Т. 43. С. 23-31; Досталова Р. *Напряженность социальной обстановки в Византии V-VI вв. В отражении анонимного трактата.* ВВ, 1990 (1991), Т. 51, С. 45-57; Копосов Н.Е. *Наставление Агапита и западноевропейская политическая мысль XVI-XVII вв. (Агапит и Эразм).* ВВ, 1982, Т. 43. С. 90-97; Кривушин И.В. *Ранневизантийская церковная историография.* СПб.: Алетейя, 1998; Липшиц Е.Э. *Право и суд Византии в IV – VIII вв.* Л.: Наука, 1976; Удалцова З.В. *Идейно-политическая борьба в ранней Византии.* М.: Наука, 1974. С. 198; Она же. *Из византийской хронографии VII в.* Иоанн Лаврентий Лид. *Пасхальная хроника.* ВВ, 1984, Т. 45. С. 54-65; Она же. *Мировоззрение византийского историка VI в.* Агафия Миринейского. ВВ, 1968, Т. 29. С. 153-169; Она же. *Мировоззрение Прокопия Кесарийского.* ВВ, 1971, Т. 31. С. 8-22; Она же. *К вопросу о мировоззрении византийского историка VI в.* Евагрия. ВВ, 1969, Т. 30. С. 63-72; Она же. *Мировоззрение византийского хрониста Иоанна Малалы.* ВВ, 1971, Т. 32. С. 3-23; Она же. *Церковные историки ранней Византии.* ВВ, 1982, Т. 43. С. 3-21.

⁴ Без сомнения, многие исследователи в той или иной степени затрагивали интересующую

нас тему, но мы не будем подробно останавливаться на историографическом очерке, дабы не перегружать текст работы. К тому же специальных работ, посвященных этой проблематике, действительно нет.

1. Мировая империя Империя и Вселенная

Конец V — начала VI века явились временем переосмысления реалий. Стремительные изменения бурного V века зачастую не укладывались так просто в общественное сознание. Старый античный мир уходил в прошлое, выкристаллизовывались совершенно новые реалии, отношение к которым было часто неоднозначным, противоречивым.

Несмотря на это, Восточная империя демонстрировала удивительный традиционализм. Всю свою историю Византия официально считалась прямой преемницей Римской империи¹, а точнее была, собственно говоря, Римской империей, и ее жители именовались римлянами или в греческом варианте «ромеями». Так, в конституции о составлении Дигест («Deo auctore»)² декларирована преемственность законов от первого царя Рима Ромула и от основания города Рима («Deo auctore». 1). Юридически раздела в 395 году на два государства не было, и *de jure* продолжала существовать единая Римская империя. Византия существовала как Римское государство³.

Как известно, система тетрархии (система власти, когда империей управляли одновременно четыре императора (два главных и два помощника) возникла во времена Диоклетиана⁴ и существовала с модификациями практически весь IV век. После эпохи Диоклетиана отмирает институт цезарей, но остается институт августов⁵; это превратило власть четырех во власть двух. В IV веке среди императоров-соправителей практически все время был лидер, а империя как юридически, так и фактически была единой. Начиная с 395 года Римской империей продолжали управлять два императора, и источники практически ничего не говорят, что в политическом сознании произошли какие-то изменения. Так, в Кодексе Юстиниана продуцентами одних и тех же законов V века одновременно были как императоры Востока, так и императоры Запада.

Однако в V веке больше не было ситуаций, как ранее в IV веке, когда среди двух соправителей один был лидером, или когда всю империю под свою власть объединял один

человек⁶. Фактически уже с конца IV века стали формироваться два отдельных государства. Западная и восточная части Римской империи стали политически отделяться друг от друга, и в V веке уже *de facto* существовали два государства, которые иногда даже враждовали друг с другом. Это происходило, несмотря на официальное представление о том, что «*Rex Romanae*» (вся бывшая территория Римской империи) есть одно целое и все ее жители — граждане единой Римской империи. В свою очередь, сохранилась практика, когда один император признавал другого (Euagr. II,1), так как без этого он не становился легитимным правителем на своей территории.

В сознании жителей бывшей Римской империи падение и разграбление города Рима в 410 и 455 годах были более важными событиями, чем ликвидация Западной Римской империи в 476 году. Именно события 410 года способствовали написанию Аврелием Августином знаменитой книги «*De civitate Dei*» («О граде Божием»), где автор заключает, что «земной град Рим грешен и пал из-за своих грехов»⁷. Эту тему развивали такие авторы V века, как Сократ Схоластик и Эрмий Созомен⁸. В то же самое время события 476 года прошли практически незамеченными⁹, ведь фактически это был только переворот в верхах, который не внес никаких заметных изменений в жизнь людей бывшей Западной империи¹⁰, так как она в то время существовала уже лишь формально. С другой стороны, в сознании людей раздела Римской империи на два государства не было, отстранение от власти последнего западного римского императора означало лишь конец коллегальности¹¹ и то, что теперь именно Восточная империя оставалась единственной и истинной Римской империей.

Однако некоторые историки VI века все же четко отметили факт падения Западной Римской империи. Так, готский историк Иордан писал: „*Hesperium Romanae gentis imperium... cum hoc Augustulo... decessorum*” («Гесперийская империя¹² римского народа... погибла вместе... с Августулом...»¹³) (Iord. 243). А Евагрий Схоластик отметил, что Ромул, по прозвищу Августул, был последним императором Рима (Euagr. II,16). Другие авторы, к примеру, франкский историк Григорий Турский, не считал нужным упоминать этот факт вообще. Прокопий Кесарийский весьма конспективно описал только то, что Одоакр (один из вождей варваров) отстранил Ромула

Августула от власти (Proc. BG. I,1,7), при этом не уделяя данному событию много места в своем сочинении и не делая никаких заключений о важности произошедшего.

Таким образом, особого резонанса это событие не имело. Большая часть авторов и мыслителей того времени вообще не считали, что какая-то империя пала. Некоторые историки, например, Иоанн Лид¹⁴, а также император Юстиниан в своих законодательных актах зафиксировали, что потерянные территории были утрачены в результате глупости и неумелой политики императоров, царствовавших на Западе (Nov. 30,11,2).

Варварские государства, возникшие на Западе, рассматривались как зависимые от империи образования. Практически со всеми из них империя заключила договоры, и формально эти территории варвары заняли в V веке с разрешения западных или восточных императоров¹⁵. Несомненно, договоры и признание со стороны империи западным варварам были нужны для того, чтобы местное население их власть воспринимало как законную и полученную от имени легитимного властителя этих территорий, от императора. Однако уже тогда всем было понятно, что зависимость была фикцией. Например, описывая ситуацию на Западе, Прокопий пишет: «по названию союз, но реально местные жители (ромей. – С.Ц.) переживали тиранию» (Proc. BG. I,1,4).

Такое положение вещей использовалось в своих целях как империей, так и варварами. Например, император Юстиниан в своем законодательстве, еще перед завоеваниями на Западе, именовал себя властителем Алеманским, Готским, Франкским, Германским, Антским, Аланским, Вандальским, Африканским («In nomine domini Dei nostri Ihesu Christi Imperator Caesar Flavius Iustinianus Alamanicus Gotthicus Francicus Germanicus Anticus Alanicus Vandalicus Africanus pius felix inclutus victor ac triumphator semper Augustus») (Tanta¹⁶. Praef.). Значительное политическое и духовное превосходство Византии, ее доминирующее положение в христианском «*orbis terrarum*» были для варварских королей VI – VII веков и их современников-хронистов очевидным фактом международной жизни¹⁷. У того же Григория Турского в «Истории франков» Византия присутствует как обязательный фон повествования. Он постоянно говорит о том, что происходит в Константинополе, информирует читателя о смене императоров и о других событиях в Ви-

зантии (Gregor. Tur. Hist. IV,40; V,19,30; VI,30). Без сомнения, Византия для автора являлась мировой державой и продолжением Римской империи, у которой были свои интересы во всей Европе.

Империя во многом идентифицировалась со всем миром. С IV века предполагалось, что она охватывает все народы, которые объединены в единой Церкви, что является развитием концепции первого историка Церкви Евсевия (Euseb. De vita Const. I,8;II,19). Но уже в IV веке из-за невозможности соединить вселенский характер Римской империи и существование территорий, реально ей не подконтрольных, появилась концепция их подчиненности (пусть и фиктивной) империи¹⁸. Данная система все более оформляется в V веке, а император становится как бы высшим властителем в «семье государств»¹⁹. Со временем представления о всемирной империи в силу того, что на самом деле ромеям чаще приходилось отступать, чем наступать, все меньше соответствовали действительности. Просуществовали эти представления вплоть до падения Византии в 1453 году. В VI веке это нашло реальное воплощение в законодательстве и в сочинениях официальных авторов. Например, законы императора Юстиниана адресованы как бы всему человечеству — «*ad senatum et omnem populos*» (сенату и всем народам) (Tanta. Praef.). А сам император Юстиниан в официозном трактате Прокопия «О постройках» представляется как «строитель всей вселенной»²⁰ (Proc. De aedif. IV,I,17). Таким образом, император представлялся как властитель всей ойкумены²¹.

Необходимо отметить, что начиная с Рима государственной идеей любой империи становится идея миссии. Это спланирует государство, доказывает необходимость его существования. По представлениям римлян, завоевания дали им власть над миром, а законы — возможность управлять этим пространством²². Все это породило представления о римской исключительности. Миссия Рима состояла во власти над миром и народами, в окультуривании (цивилизации) пространства, в организации жизни людей, проживавших там. В VI веке в Византии ситуация принципиально отличалась от ситуации в Римской империи. Тогда в сознании и государственной идеологии возникает идея отвоевания потерянных территорий, реставрации Римской империи в прежних границах, а также гармонизация общественных отношений и порядков в госу-

дарстве путем объединения всех ее жителей в единой империи, соединенной в единое тело с ортодоксальной католической Церковью. Создание своего рода нового «Божьего народа». Таким образом, начинает выкристаллизовываться новая цель-миссия: привести граждан к спасению, создать из империи некий мостик между земным и небесным царствами. Начиная с Евсевия и эпохи Константина Великого (306-337), идея империи начинает наполняться христианским содержанием, ибо целью ее существования становится имитация Небесного Царствия (Euseb. De Laudibus Const. 1-2)²³. Одной из главных обязанностей императоров становится забота о спасении душ подданных. Данная тема нашла свое развитие в VI веке, именно об этом говорится как в законодательстве Юстиниана, так и в текстах, написанных по заказу императора²⁴. Именно поэтому всем другим народам необходимо было вступить во взаимоотношение с империей, превратиться как бы в ее вассалов, так как нет другого государства в этом мире, у которого была бы столь близкая связь с Всевышним.

Важное место занимает идея врагов, которые мешали осуществлять миссию империи. Враги — это варвары (неподконтрольные ромеям, наносящие им урон), язычники, еретики, неустроенности в государстве (коррупция чиновников, хаос в законодательстве и другое). Неприятеля и необходимость борьбы с ними спланивали империю. Именно борьбой с врагами все годы своего правления был занят император Юстиниан.

Несмотря на официальные представления и претензии Византии на всемирность, на статус продолжательницы дела Римской империи до Юстиниана восточные императоры сторонились активной внешней политики и больше стремились к укреплению империи в своих исконных восточноримских территориях, соглашаясь с тем, что западные варвары были подчинены империи только теоретически. Идентификация с Римом и традиционные представления о том, что именно римский мир есть центр вселенной, вокруг которого строится весь мировой порядок (нарушенный теперь варварами), предопределили намерение Юстиниана реставрировать империю в прежних границах. А для того, чтобы подготовить души подданных к спасению, необходимо было вновь ввести всех жителей в состав единого государства²⁵. Именно реализации этих целей на практике и посвятил всю свою деятельность

император Юстиниан (527 – 565 г.).

Юстиниан кардинально меняет внешнюю политику Восточной империи. Ранее существовавшее стремление замкнуться у себя на Востоке сменилось серией войн за возвращение западных территорий²⁶. Несомненно, Юстиниан, выходец из романизированных провинций Балканского полуострова, западных римлян воспринимал как своих собратьев. Это хорошо видно как в законах императора, так и в трудах ряда историков, описывавших его царствование. В 30-й Новелле Юстиниана сказано: «Этот мир, ранее завоеванный древними римлянами и простиравшийся... до пределов обоих океанов, этот мир, утраченный затем по нерадению его властителей, императоров, имеет право и даже обязанность снова ввестись в единство империи» (Nov. 30,11). В работах Прокопия, Агафия византийцы часто предстают как освободители, борцы с варварами, которые незаконно захватили территории, ранее принадлежавшие империи, и не хотят их добровольно вернуть законным владельцам (Proc. BG. I, VIII; IX; Agath. I, 16). К примеру, в письме королю франков (в пересказе Прокопия) Юстиниан указывал: «Захватив нам принадлежавшую Италию силой, готы не только не имели ни малейшего намерения возратить ее нам, но еще прибавили нестерпимые и огромные обиды (местным жителям. — С.Ц.). Поэтому мы были вынуждены двинуться на них походом...» (Proc. BG. I, VI).

В то же время появлялись легенды, оправдывавшие политику императора. Например, Кирилл Скифополит, составлявший жития святых, утверждал, что святой Савва в 531 году предсказал, что в годы правления Юстиниана Господь восстановит Римскую империю в прежних границах, так как император следовал ортодоксальной религиозной политике и искоренял ересь²⁷.

Наиболее важную роль в этой политике занимало отвоевание Италии и города Рима. Ведь выглядело довольно нелепо, что Вечный Город — древняя столица — находился за пределами территории, контролируемой империей. Несмотря на то, что к моменту издания второй редакции «Кодекса» Юстиниана Италия и Рим не были под фактической властью императора, и войны за их возвращение там не были еще начаты, в XI книге свода уже были закреплены привилегии города Рима — так же, как и привилегии Константинополя (СІ. 11,15 и 21). Кроме того, согласно политичес-

ким представлениям Юстиниана, Рим являлся центром христианства и местом апостольского престола. И это подтверждается законодательно²⁸. Необходимо отметить, что Юстиниан положил начало борьбе за Рим как за символическую территорию, владение которой позволяло претендовать на статус императора и давало возможность свое государство считать империей²⁹.

Официальные представления о миссии империи и ее месте в мире хорошо видны в архитектуре и искусстве этого времени. В трактате «О постройках» Прокопия есть описание не дошедшей до наших дней статуи императора Юстиниана³⁰. Император изображен сидящим на лошади, в левой руке он держит шар. Прокопий отмечает, что «художник этим хотел показать, что ему служит вся земля и море. У него нет ни меча, ни копья, никакого другого оружия; только крест у него поставлен над шаром в знак того, что им одним он получил власть над империей и победу над врагами. Правая рука его протянута по направлению к востоку; и, вытянув пальцы, он (Юстиниан. — С.Ц.) как бы приказывает находящимся там варварам сидеть спокойно дома и не двигаться за свои пределы» (Proc. De aedif. I,II,11-12).

Этот монумент был очень большого размера, император изображался облаченным в одеяние Ахилла, в доспехи героического времени (Proc. De aedif. I,II,5-11). Статуя находилась на высокой колонне и была воздвигнута перед храмом Святой Софии незадолго до окончания его строительства. Данное описание очень хорошо символизирует Византию, Юстиниана и идею империи. Статуя была возведена, чтобы напоминать о победах Юстиниана над персами³¹. Понятно одно: здесь были воплощены представления Юстиниана, согласно которым весь мир является ойкуменической империей. Находящейся выше шара крест³² символизирует христианство, которое вступило в единство с мировой империей. Античные одежды символизируют соблюдение Юстинианом старых культурных традиций и то, что император не отвергал античное происхождение Византии. Только, конечно, отвергалось язычество. Можно отметить, что изображение символизировало определенный дуализм Византии, который сохранялся на протяжении всей ее истории: античное наследие идет рука об руку с христианством.

В наибольшей степени идеологические и космогонические представления воплощены

в архитектуре прославленного Собора Святой Софии, построенного в период с 532 по 537³³ годы архитекторами Анфимием и Исидором (Agah. V,9). Храм формируют четыре арки, которые покрывает большой купол очень близкий кругу³⁴. Центральные помещения собора в плане создают квадрат³⁵. План собора подчинен центрическому началу³⁶. Стороны арок ориентированы по сторонам света, что символизирует мировую империю. Купол представлялся небесным сводом, как понимал это Евагрий (Eua. IV,31), и соединялся в единое целое с основным строением здания, что символизировало не только объединение неба с землей, но также соединение «Града Божия» или христианской Церкви в единое целое с мировой империей — «Земным Царством». Действительно, все это могло восприниматься как Вселенная и как символ вселенского значения Византии, Константинополя, Юстиниана³⁷ и христианской Церкви. Святая София явилась воплощением христианских традиций, возникших еще задолго до Юстиниана: уже Ориген, Евсевий и Василий Великий сравнивали вселенную с храмом и храм с вселенной³⁸. Как в Святой Софии, так и в других подобных сооружениях Юстиниан попытался «материализовать» и эти представления, и идею ойкуменической империи. Собор, как писал Прокопий, был абсолютно великолепным³⁹. Его длина и ширина гармонично согласовывались, в нем не было ничего лишнего. Кроме того, сооружение обладало исключительной устойчивостью и прочностью. То, что Святую Софию построили основательно, было важно и в связи с большой сейсмической активностью региона. Его оформление также являлось грандиозным⁴⁰. По заказу Юстиниана в 562/563 годы придворный поэт Павел Силенциарий написал поэму «Экфрасис храма Святой Софии», где автор прославлял как императора, так и сам Кафедральный собор, толкуя это в духе «всемирно-объединяющей миссии Второго Рима»⁴¹.

Он писал:

Нет, но священный твой труд, превышающий
все ожидания,
Гор громады воздвиг, а тебе они вовсе не
нужны:

Путь ты (Юстиниан — С.Ц.) на небо открыл
ведь себе своим благочестием,

Крылья тебя вознесут в святые обители неба⁴².

(пер. Л.А.Фрейберга)

Прокопий подчеркивал, что собор Святой Софии обычно называли Великой Церковью (Proc. De aedif. I,I,66). У каждого человека, который пришел сюда молиться Богу, возникало ощущение, что Бог находится здесь, недалеко (Proc. De aedif. I,I,61-62). Одним словом, собор Святой Софии явился архитектурным отображением идеи империи в Византии. Необходимо отметить, что строения, похожие на собор Святой Софии, только меньшего размера, были построены в других городах: собор Святого Дмитрия в Салониках, собор Сан-Витале в Равенне и другие⁴³. Шло тиражирование созданного образца, как это делалось в языческом Риме, когда каждый провинциальный город строился, как «Рим в миниатюре», со своим форумом, амфитеатром и другими соответствующими атрибутами⁴⁴.

Согласно легенде, когда строительство собора Святой Софии было закончено, Юстиниан воскликнул: «Я победил тебя, Соломон»⁴⁶, что свидетельствует о попытке сравнить Святую Софию с первым Иерусалимским храмом, который построил прославленный израильский царь, и в то же время сравнить Юстиниана с Соломоном, Константинополь с Иерусалимом⁴⁷, Византию с библейским Израилем. У империи особая миссия, а ее жители — ромеи — это новый избранный народ, стремящийся к созданию на земле подобия Царствия Небесного. Сам Юстиниан, как пишет Прокопий в апологетическом трактате «О постройках», взял в руки царскую власть по Божию промыслу, который направлен на спасение ромейского народа (Proc. De aedif. II,IX,11). Думается, в какой-то мере все эти представления об империи

Собор Св. Софии

Кафедральный собор Святой Софии, императорский дворец, конная статуя Юстиниана, площадь Августеон, а также ипподром — все это оформляло центр столицы империи — Константинополя⁴⁵. Все в столице должно было соответствовать уровню центра мировой империи и символизировать ее единство. Собор был любимым детищем Юстиниана, о котором он заботился особенно (Athath. V,9).

являются моделью того образа мира, который возникнет после страшного суда: Новой земли и Нового Иерусалима, описанных в 21 главе «Откровения» Иоанна (Отк. 21), ибо Византия стремится к идеалу — к Царствию Божию, и находится в особой связи с Всевышним.

Необходимо отметить, что статус Константинополя как всеми признанной столицы империи полностью оформился только к концу

V века⁴⁸ — после крушения Западной Римской империи. Хотя уже по канонам II и IV Вселенских Соборов Константинополь признавался «Новым Римом»⁴⁹. II Вселенский Собор и IV Вселенский Собор утвердили под давлением императоров Феодосия I и Феодосия II соответственно, что у «Нового Рима», Константинополя, те же самые привилегии, как у «Старого Рима». Одним словом, Византия воспринималась как прямое продолжение Римской империи с правами на все земли, принадлежавшие ей ранее и принадлежащие сейчас. То есть ромейскими землями являлись все восточные территории, контролируемые из Константинополя, и бывшие земли Римской империи на западе, которые находились под властью варваров, но в то же время являлись собственностью империи. Империя — ойкуменическое государство, с особой связью с Богом, империя — это земное подражание Небесному Царству. Империя — это Новый Израиль, Константинополь не только Новый Рим, но и Новый Иерусалим, а Святая София — Новый Храм, подобие (но не буквальное) разрушенного Иерусалимского храма. Старому Риму в политическом порядке Юстиниана отводилось место христианского центра⁵⁰, апостольского престола, города особо почитаемого и с особыми привилегиями.

Примечания:

¹ Mango C. *Byzantium. The empire of New Rome*. New York: Norton, 1980. P. 25; Сиротенко В. Т. История международных отношений в Европе во второй половине IV – нач. VI в. Пермь: Пермский Государственный Университет, 1975. С. 45.

² «Властью Бога». Название по первым словам в тексте.

³ Beck H. G. *Res Publica Romana: Vom Staatsdenken der Byzantiner*. In: Hunger H. (Hg.). *Das Byzantinische Herrscherbild*. Darmstadt: Abt. Verl., 1975. S. 379-414; Lounghis T. C. *Some Questions Concerning the Terminology Used in Narrative Sources to Designate the Byzantine State*. 997, Nr. 11, P. 11-22. К примеру, церковный историк VI века Евагрий, в своем сочинении говоря о приходе к власти императора Маврикия (582-602), основывается на летоисчислении по древнеримской традиции, от времени Ромула (Euagr. V,23).

⁴ Lerner R. E., Meacham S., Burns E. M. *Western civilizations: their history and their culture*, Vol. 1. New York; London: Norton, 1988. P.

210-212; Князький И. О. Император Диоклетиан и закат античного мира. СПб.: Алетея, 2010. С. 38-46.

⁵ Pabst A. *Divisio regni: Der Zerfall des Imperium Romanum in der Sicht der Zeitgenossen*. Habelts Dissertationsdrucke. Reihe Alte Geschichte. Bonn: Habelt, 1986. S. 49.

⁶ Единоличными правителями были (правда, не на протяжении всего своего правления) Константин Великий (306-337) и Феодосий I (379-395). В тандеме Валентиниана I (364-375) и Валента (364-378) лидером являлся Валентиниан I.

⁷ Kings H. *Katoļu Baznīca. Īsa vēsture*. Tulkojums no vācu valodas. Rīga: Atēna, 2003. 71.lpp.; *Antikā un viduslaiku filozofija: mācību līdzeklis*. Rozenvalds, J. (sast.). Rīga: Zvaigzne ABC, 1997. 101.lpp.; Чернак В., Сobotка М., Сус Я. История философии. В кратком изложении. Пер. с чешского. М.: Мысль, 1991. С. 211.

⁸ Kaegi W. E. *Byzantium and the decline of Rome*. Princeton: Princeton University Press, 1968. P. 182.

⁹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Пер с франц. М.: Издательская группа Прогресс, 1992. С. 24.

¹⁰ Уколова В. И. „Последний римлянин” Боеций. М.: Наука, 1987. С. 23.

¹¹ Pabst A. *Divisio regni: Der Zerfall des Imperium Romanum in der Sicht der Zeitgenossen*. Habelts Dissertationsdrucke. Reihe Alte Geschichte. Bonn: Habelt, 1986. S. 389.

¹² Гесперийская империя – Западная Римская империя или Италийская империя. Еще древние греки Италию называли Гесперией как территорию, которая находится к западу от Греции. См: Der Neur Pauly. *Enzyklopädie der Antike*, Bd. 5. Stuttgart; Weimar: Metzler 1996. S. 511-512.

Название Гесперия, чтобы отметить Италию или территории бывшей Западной Римской империи, использовали в то время не только Иордан, но и другие авторы, к примеру Прокопий (Готы посчитали необходимым провозгласить Велизария императором Гесперийской империи) (Proc. BG. II,XXIX,18).

¹³ Последним императором Западного Рима был Ромул Августул (475–476).

¹⁴ Kaegi W. E. *Byzantium...* P. 214.

¹⁵ Литература об этом огромна, можем упомянуть лишь некоторые доступные нам работы: Альфан Л. Великие империи варваров. От великого переселения народов до тюркских завоеваний XI века. Пер. с франц. М.: Вече, СПб: Евразия, 2006. С. 38; Буданова В.П. Готы в эпоху великого переселения народов. СПб.: Алетея, 1999.

С. 150-151; Корсунский А.Р., Гюнтер, Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. (до середины VI в) М.: Издательство Московского университета, 1984. С. 80, 84; Мюссе Л. Варварское нашествие на Европу: германский натиск. Пер. с франц. СПб.: Евразия, 2008. С. 94-95; Cameron Av., Ward-Perkins, B., Whitby M. (eds.). The Cambridge ancient history, Vol. 14: Late antiquity: Empire and Successors, A.D. 425 – 600. Cambridge: University Press, 2000. P. 530; Heuss A. Römische Geschichte. Braunschweig: Georg Westermann, 1964. S. 487-499; Geary P. J. Die Merowinger. Europa vor Karl dem Großen. München: Beck, 1996. S. 77-78; Mann G., Heuß, A. Propyläen Weltgeschichte. Eine Universalgeschichte, Bd. 4: Rom. Die römische welt. Berlin: Verlag Ullstein GmbH, 1963. S. 577-580; Ranke von L. Weltgeschichte. Bd. 1: Die geschichte der abendländischen Welt von den ältesten historischen Völkergruppen bis zu den Zeiten des Übergangs zur modernen Welt. Essen: Emil Vollmer, 1997. S. 725; Tierney B., Painter S. Western Europe in the Middle Ages 300 – 1475. New York: McGraw-Hill, 1992. P. 74-76.

¹⁶ Название «Столь» от первого слова в тексте: «Столь велико по отношению к Нам провидение божественного человеколюбия...» (Tanta circa nos divinae humanitatis est providentia...). (Tanta. Praef.).

¹⁷ Ронин В.К. Византия в системе внешнеполитических представлений раннекаролингских писателей. ВВ, 1986, Т. 47, С. 86.

¹⁸ Козлов А.С. ВВ, 1988, Т. 49. Рец. на книгу: Asche U. Roms Weltherschaftsidee und Aussenpolitik in der Spätantike im Spiegel der Panegyrici Latini. Bonn: Habelts Dissertationsdrucke. Reihe Alte Geschichte. 1983. С. 209.

¹⁹ Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe, 500 – 1453. London: „Weidenfeld and Nicolson“, 1971. P. 254.

²⁰ Без сомнения, император тут сравнивается с Всевышним – творцом, предстает как подобие ему. Здесь наблюдаются как следы христианской космогонии, так и позднеантичной философии (неоплатонизм).

²¹ Ойкумена в античных представлениях была обжитым человеком пространством. См.: Der Neur Pauly. Enzyklopädie der Antike, Bd. 8. Stuttgart; Weimar: Metzler, 2000. S. 1138.

²² Tumans H. Globalizācija un kultūra vēsturiskā retrospektīvā. Grām.: Urtāns, J (red.). Kultūras krustpunkti. Latvijas Kultūras Akadēmijas zinātnisko rakstu krājums. 1. laidziens. Rīga: Fonds mantojums, 2004. 119. lpp.

²³ Непременным условием, разумеется, явля-

ется единение идеологии государства с истинной верой. Так, восседание императора Константина с епископами Евсевием представляется как «образ Царства Христова» (Euseb. De vita Const. III,15).

²⁴ Об этом подробнее смотреть далее.

²⁵ Миссия Византии по спасению душ поданных определила направленность политики империи прежде всего во внутрь, а не вовне. В условиях ослабления связей с Западом и все большего отдаления от него империя вынуждена была отказаться от активной политики в этом регионе. К тому же жители Западных территорий уже не в полной мере воспринимались как свои. Стоит сказать, что в целом, даже в период ранней истории империи, активная внешняя политика императора Юстиниана являлась скорее исключением, чем правилом.

²⁶ Причем императору удалось достичь определенных успехов. Были отвоеваны: Ливия, Италия, южная Испания. Однако война в Италии против готов оказалась очень продолжительной и изматывающей, поэтому вопрос о каких-то дальнейших завоеваниях больше не стоял.

²⁷ Житие и подвиги преподобного отца нашего Саввы Освященного. В кн.: Избранные жития святых. III – IX вв. На русском языке, изложение по руководству четых-миней Св. Дмитрия Ростовского. М.: Молодая гвардия, 1992. С. 314.

²⁸ Более подробно про это далее, в разделе, где речь пойдет об империи и Церкви.

²⁹ См: Ронин В.К. Византия в системе внешнеполитических представлений раннекаролингских писателей. ВВ, 1986, Т. 47. С. 90; Флекенштейн Й., Бульст-Тиле М.Л., Йордан К. Священная Римская империя. Эпоха становления. Пер. с нем. СПб.: Евразия, 2008.

³⁰ Сохранилась миниатюра первой четверти XV века. Есть также другие изображения и описания более позднего времени. См.: Белоброва О.А. Статуя византийского императора Юстиниана в древнерусских письменных источниках и иконографии. ВВ, 1960, Т. 17. С. 114-123.

³¹ Грабар А. Император в византийском искусстве. Пер с франц. М.: Ладомир, 2000. С. 64-65. Стоит отметить, что в реальности победы над персами были сомнительными, но это мало беспокоило Юстиниана.

³² На истории этого «державного» образа мы подробно останавливаться не будем. Необходимо отметить, что шар в руках императоров известен еще со времен античности и символизирует мировое господство, крест появляется, конечно же, позже. См.: Бак Я. Магическая и династическая легитимация. В кн.: Другие средние века. К 75-летию Гуревича А. Я. Дубровский И.

В., Оболенская С. В., Парамонова М. Ю. (Сост.). М, СПб.: Университетская книга, 2000. С. 43-52.

³³ Herrin J. *Byzantium. The surprising life of a medieval empery*. London: Penguin Books, 2008. P. 50-60; Вагнер Г. К. Византийский храм как образ мира. ВВ, 1986, Т. 47. С. 175.

³⁴ Афанасьев К. Н. Геометрический анализ храма Святой Софии в Константинополе. ВВ, 1952, Т. 5. С. 207.

³⁵ Rubenis A. *Bizantijas kultūra: Palīgmateriāli kultūras vēstures kursam*. Rīga: Latvijas Republikas Izglītības ministrija, 1994. 73.lpp.

³⁶ Комеч А. И. Особенности пространственной композиции Софийского собора в Константинополе. ВВ, 1973, Т. 34. С. 189.

³⁷ Вагнер Г. К. Византийский храм... С 177.

³⁸ Вагнер Г. К. Византийский храм... С 168.

³⁹ Смотреть фото собора.

⁴⁰ Шуази О. История архитектуры. Т. 2. Пер. с франц. М.: Издательство Шевчук В., 2002. С. 44.

⁴¹ Фрейберг Л. А. Византийская поэзия IV – X вв. и античные традиции. В кн.: Византийская литература. Аверинцев С. С. (ред.). М.: Наука, 1974. С. 56.

⁴² Фрейберг Л. А. Византийская поэзия... С. 58.

⁴³ Ahrweiler H. *L'ideologie politique de l'empire byzantin*. Paris: Presses universitaires de France, 1975. S. 20.

⁴⁴ Tumans H. *Globalizācija*... 120. lpp.

⁴⁵ Cameron Av., Ward-Perkins B., Whitby M. (eds.). *The Cambridge ancient history*, Vol. 14: Late antiquity: Empire and Successors, A.D. 425 – 600. Cambridge: University Press, 2000. P. 72.

⁴⁶ Вагнер Г. К. Византийский храм... С. 176; Lamb H. *Constantinople: Birth of an Empire*. New York: Publication Year, 1957. 335 p.

⁴⁷ Константинополь как новый Иерусалим. См. подробнее: Ahrweiler H. *L'ideologie politique*... S. 13.

⁴⁸ Lamb H. *Constantinople*... P. 276; Серов В. В. К проблеме формирования столичного статуса Константинополя. ВВ, 2006, Т. 65. С. 58.

⁴⁹ II Вселенский Собор 3 канон и IV Вселенский Собор 28 канон. См: Болотов В.В. Лекции по истории древней церкви. Т. 4. М.: Издание Спасо – Преображенского Валаамского Ставропигиального монастыря, 1994. С. VII, XIX. О статусе Константинополя см. так же: Dagron G. *Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 à 451*. Paris: PUF, 1974.

⁵⁰ Об этом подробнее в конце работы.

Империя и ее место в мире в сочинениях современников Юстиниана

Современники Юстиниана, несомненно, были знакомы с официальными представлениями об империи и ее месте во вселенной, но часто смотрели на данный вопрос несколько иначе. Поэтому без освещения их позиций раскрытие темы будет неполным.

Главный историограф эпохи Юстиниана Прокопий не отрицал идеи единства римского мира. Рассуждая об этом, он писал, что западная и восточная части бывшей Римской империи есть, в общем-то, единое целое, которое было разделено между собой римскими властителями (Proc. BV. I,1,1-18). Но в то же время он отчасти признавал, что в V веке западная и восточная части были отдельными государствами, называя их, оба государства или Восточное царство (Proc. BV. I,IV,29; BV. I,V,7; BG. I,XV,25). Повествуя о событиях VI века, он говорит о Восточной империи уже лишь как о Римской империи — не идентифицируя ее по-другому. Из логики изложения событий понятно, что автор также во многом поддерживает официальное мнение, что Византия есть продолжение Рима, и раз больше нет императора на Западе, то все его права принадлежат императору Востока.

Прокопий хорошо понимает, что реально никакой власти империи на Западе в начале правления Юстиниана не было, поэтому эти территории императору приходилось фактически завоевывать заново (Proc. BG. I,XXIV,1). Как юристу ему были важны моменты законности военных операций империи. Факт того, что Византия являлась наследницей Рима, еще полностью не давал право на установление контроля над западными территориями силой, ибо варвары занимали их по ранее заключенным договорам с империей. Следовательно, для развязывания «справедливой войны» необходимы были еще и другие основания, а именно: нарушение законности в самих варварских государствах, что делало власть новых правителей — готов и вандалов — нелегитимной. И злоупотреблений было множество, в том числе многочисленные факты притеснения населения — местного в основном, а не пришлого, варварского. Описанию данных сюжетов Прокопий уделяет весьма много места в своей «Истории войн с персами, вандалами и готами»¹. Подробный пересказ данных сю-

жетов, однако, не является задачей настоящей работы.

Для понимания отношения Прокопия к бывшим территориям Римской империи на Западе необходимо разобраться в отношении автора к местным жителям. Важно, на наш взгляд, то, что историк не называет местных жителей римлянами. Так, например, жители Италии для него италийцы: (Proc. BG. I, VI, 19; I, VIII, 13; BG. II, XXIX, 26; BG. II, XXX, 26; BG. III, IX, 12; BG. III, XXXV, 9 и в других местах), жители Ливии — ливийцы: (BV. I, XXIII, 1-2; BV. II, V, 8; BV. II, XX, 33 и в других местах). Римлянами в Италии для него являются только сами жители города Рима. Говоря же о византийцах, он редко употребляет иное наименование нежели «римляне». Однако Прокопий передает рассказы из истории и Древнего Рима, и Италии, как бы акцентируя внимание читателя на общих корнях жителей обеих частей империи. Также он искренне сочувствует населению Италии, когда оно подвергается насилию и грабежам со стороны византийских войск и чиновников (Proc. BG. I, X, 29; III, IX, 1-5).

В целом же Прокопий демонстрирует отношение к Италии как к одной из территорий, вовсе не игравшей какой-то ведущей роли в общеимперском порядке. Жители ее, вроде бы братья, родственники, но не «свои» в полном понимании этого слова. Другое отношение к городу Риму. Историк отмечает, что город, несмотря на долгое господство варваров, сохранял свою красоту (Proc. BG. IV, XXII, 5-6). Автор большую часть текста, описывавшего войну на Апеннинах, посвятил описаниям боев за Вечный город (Proc. BG. I, XVII-II, XI; III, XIII-XX, XXXVI; IV, XXXIII, 27). При каждом очередном взятии Рима византийскими войсками отмечается, что его ключи полководцы торжественно посылали Юстиниану. Думается, что все это не случайно. Конечно, Рим как важный стратегический пункт имел большое военное значение в борьбе за Италию в целом. Однако ясно, что по соображениям идейной важности Рим имел даже большее значение, чем вся остальная Италия. Поэтому Прокопий и уделяет так много внимания Вечному городу.

Подводя итоги войн Юстиниана на Западе, Прокопий указывает, что ничего хорошего они не дали ни империи, ни местным жителям. Было много людских и материальных потерь (Proc. BG. III, XXXIII, 1), результаты достигались с очень большим трудом, а территории самой империи оказывались незащищенными и подвергались опустошительным нападени-

ям варваров. При этом император не находил ничего лучшего, чем постоянно откупаться от них. Прокопий с нескрываемым раздражением писал, что василевс² богатства государства бессмысленно раздавал варварам (Proc. HA. VIII, 31). В то же время в результате войн и грабежей имперских чиновников Италия и Ливия были сильно разорены (Proc. BV. II, XXII, 2; BG. III, IX, 1-5; HA. V, 4; HA. VI, 25; HA. XVIII, 9, 13-16).

Из всего вышесказанного видно, что Прокопий высказывает разные мнения по одним и тем же вопросам. Так, например, с одной стороны, у Восточной империи есть полные юридические права на территории бывшей Римской империи на Западе³, и Восточная империя полностью идентифицировалась в VI веке с Римской. С другой стороны, в тексте «Истории войн...» есть места, показывающие, что западные земли не были полностью своими в понимании автора, так как местное население не было римлянами, за исключением жителей самого города Рима. Но сложно понять, где же собственное мнение историка. Это породило совершенно разные трактовки взглядов Прокопия по данным вопросам в историографии. К примеру, по мнению Г.Л. Курбатова, для Прокопия военные компании Юстиниана на Западе были завоеванием⁴, тогда как в понимании А.А. Чекаловой, историк к этому относился как к реконкисте⁵. А. Кэмерон данные метаморфозы объясняет тем, что у Прокопия никакого мнения не было вовсе⁶. Наверное, многослойность текста связана с тем, что автор этот труд создавал в течение продолжительного периода времени, начав его между 543 и 545 годами и закончив первую редакцию в 550 году⁷. Возможно даже, что автор начал писать свою работу еще раньше, составляя что-то вроде дневника участника походов полководца Велизария. Понятно, что в «Истории войн...» Прокопий пытается свои взгляды согласовать с официальным пониманием Юстиниана и продемонстрировать свою лояльность существующей политике⁸. В итоге мы видим разные векторы трактовки одних и тех же вопросов. Вообще, можно согласиться с мнением В. Кэги, что взгляды Прокопия были намного сложнее, чем взгляды других авторов V—VI веков, к примеру, Иоанна Лида или Эрмия Созомена. Даже в «Тайной истории» он состояние империи оценивает очень по-разному⁹.

В целом видно, что вся бывшая Римская империя Прокопием рассматривается как единое целое, но в то же время это простран-

ство было разделено в порядке определенной иерархии. Бывшая западная часть империи для автора очень близка восточной, но не является полностью своей, такое же отношение и к ее жителям. Они были как бы близкими родственниками, но не вполне членами своей семьи. Все это не противоречило тому, что в целом вся бывшая территория Римской империи — есть единое пространство «*Rex Romana*». Однако в VI веке центр этого пространства однозначно находился на Востоке, в Константинополе. Италия тут лишь провинция, особое положение только у города Рима. В какой-то мере Прокопий является патриотом Восточной империи и выражает определенную оппозицию внешней политике Юстиниана, направленной на реставрацию Римской империи в ее прежних границах, не видя в этом особо большого смысла.

Другие византийские авторы в определенной степени близки к восточному патриотизму Прокопия и к неоднозначному отношению к войнам Юстиниана на Западе. Так, войны на Западе для Агафия есть не завоевание, а отвоевание (*Agath. Praef.*), в то же время автор отмечает, что из-за малочисленности войск, а также из-за их рассредоточенности по разным провинциям границы на севере Балканского полуострова были не защищены, чем, конечно же, стали пользоваться враги империи — варвары (*Agath. V,13*).

Других авторов, к примеру, Евагрия или Малалу, войны за возвращение земель на Западе вообще мало интересовали. Говоря о них, Евагрий указывает, что лучший источник тут — труд Прокопия (*Euagr. IV,19*), а его собственная работа являлась лишь коротким конспектом «Истории войн...» главного историографа эпохи Юстиниана.

Важным моментом было восточное направление и самоопределение византийцев в отношении главного соседа империи — могущественного Ирана Сасанидов. В отличие от варварских государств, возникших на руинах Западной Римской империи, территории на Востоке никогда не входили в состав ромейского государства. К тому же Иран по своему размеру, количеству населения, могуществу и культурно-историческим традициям мало уступал Византии. В течение III — VI веков империя многократно воевала с Ираном, но решающего перевеса достичь ни одному из государств не удавалось. Войны в некоторые периоды истории сменялись добрососедскими отношениями, когда стороны даже становились

союзниками. Например, это наблюдалось в годы правления византийского императора Феодосия II (408-450). Прокопий описывал, как иранский шах Исдигерд (399-421) по просьбе восточно-римского императора Аркадия (395-408) стал опекуном и гарантом наследования власти малолетним Феодосием, сыном императора. Историк отмечает, что шах к этой задаче подошел с полной ответственностью и хорошо справился с ней (*Proc. BP. I,II*). В итоге довольно долго между двумя государствами были добрососедские отношения. С такой же просьбой обратился к императору Юстину (518-527) иранский шах Кавад (488-497 и 499-531). Однако из-за того, что византийцы предложили провести ритуал усыновления в том порядке, как обычно это делалось по отношению к варварам, персы сильно оскорбились, и шах Кавад стал строить планы вторжения (*Proc. BP. I,IX,10-30; XII,1*). В результате между странами вновь начались бесконечные войны.

О чем свидетельствует этот рассказ? С одной стороны, о том, что отношения между обеими странами строились на основе теории «братских отношений» и что с Персией Византия вынуждена была считаться как с великой державой. Эта теория существовала с III века и базировалась на том, что у обоих государств был близкий по уровню статус¹⁰, который трудно было игнорировать. Данные положения во многом принимал и Прокопий. Вообще у практики признания высокого статуса восточного соседа была весьма долгая традиция. Уже Тацит говорил о тогда существующей Парфии как о великой державе, почти равной Риму¹¹. Однако полностью равными себе византийцы персов не признавали. Прокопий считал персов варварами, а их правителей тиранами, которые действуют часто коварно и без соблюдения традиций и законов. В самом первом предложении «Истории войн...» он пишет: «Прокопий Кесарийский описал войны, которые вел василевс римлян Юстиниан с варварами Востока (имея в виду войны с персами. — С.Ц.) и Запада (имея в виду войны с вандалами и готами. — С.Ц.)» (*Proc. BP. I,1*). Но все вышесказанное свидетельствует и о том, что персы в сочинении историка к западным варварам в полной мере не приравнивались.

Похожее отношение к Ирану и у других авторов. Например, Агафий так же подробно пересказывает историю об усыновлении персидским шахом будущего императора Феодосия II (*Agath. IV,26*). Агафий гораздо больше

внимания в своем труде уделяет византийско-персидским отношениям, чем делам на Западе. Историк кратко рассказывает всю историю взаимоотношений двух стран начиная с III века (Agath. IV,25). Примерно в таком же ключе говорит об Иране и Менандр Протиктор, передавая слова послов Юстиниана, называвших оба государства «великими» (Men. 12).

Прокопий, Агафий и другие историки затрагивают также вопрос о спорных территориях между империей и Ираном, некоторых буферных полунезависимых государствах, например Лазика. Однако древних историков это интересовало, в основном, в контексте конфликтов между двумя державами.

О территориях к северу от Балкан авторы, как правило, мало информированы и плохо знают их географию и народы, там проживавшие. Главным образом, этот регион их интересует в связи с бесконечными нападениями его обитателей на земли империи. Люди, находящиеся там, конечно же, варвары, и ничего хорошего империи от них ждать не приходится. Ибо они способны лишь к грабежам и насилию. Прокопий и Агафий неоднократно высказывали обеспокоенность тем, что Юстиниан был не способен защитить границы империи (Proc. BG. III,XXIX,1-3; III,XXXIII,1; IV,XXV,1,6; HA. XVIII,20,21; Agath. V,13). Прокопий, как было указано выше, говорил, что пока Юстиниан воевал на Западе, северные варвары переправлялись через Дунай и практически беспрепятственно разоряли Балканы (Proc. BP II,IV,4-11 и в других местах).

Таким образом, север был явной периферией, ничего особо интересного там не было, и доставлял он в основном лишь хлопоты империи и ее жителям. Всем авторам было понятно, что никакой власти ромеев там не было. Это особенно никому и не нужным было, так как ценности эти территории не представляли, они не являлись и землями, традиционно связанными с империей. Какие-либо претензии империи на них были лишь теоретическими, планов как-то контролировать их реально в период ранней Византии ни у кого не было.

В целом необходимо отметить, что авторы VI века больше тяготели к восточному патриотизму. С активной внешней политикой Юстиниана на Западе они вынуждены были считаться и в большинстве случаев активно ей не противодействовали. Но большого энтузиазма по отношению к ней также не испытывали. Все это понятно, принимая во внимание то, что большинство из них были греками по наци-

ональности, а в военных компаниях на Западе Юстиниан буквально увяз, на что уходило большое количество как людских, так и материальных ресурсов империи. Жители Италии греческими авторами также не воспринимались в полной мере своими, поэтому войны за их освобождения им были мало нужны. Полагаем, что во многом такие тенденции в сознании византийцев в дальнейшем привели к отказу от активной внешней политики империи на Западе и к скорой потере большинства земель в той же Италии. В то же время, несмотря на хитросплетения и сложности политических раскладов, в сознании современников Юстиниана Восточная империя с центром в Константинополе находится в центре мироздания, другие земли и территории были либо провинциями, либо периферией мировой империи. При этом приходилось считаться с особым статусом Ирана, положение которого мало вписывался в описанный выше мировой порядок.

Примечания:

¹ Далее в тексте «История войн...».

² Василевс – царь или император на греческом языке в византийское время.

³ Дюно Ж.-Ф., Ариньон Ж.-П. Понятие „граница“ у Прокопия Кесарийского и Константина Багрянородного. ВВ, 1982, Т. 43. С. 68.

⁴ Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты. К истории общественно-политической мысли. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. С. 198-199.

⁵ Чекалова А.А. Византия между державой Сасанидов и Варварскими королевствами Запада в IV – первой половине VII в. В кн.: Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб.: Алетейя, 1999. С. 97-98.

⁶ Cameron Av. Prokopius and the Sixth Century. Classical life and letters. London. 1985. P. 96.

⁷ Удальцова З.В. Идеино – политическая борьба в ранней Византии. М.: Наука, 1974. С. 160.

⁸ Удальцова З.В. Мироззрение Прокопия Кесарийского. ВВ, 1971, Т. 31. С. 11.

⁹ Kaegi W.E. Byzantium.... P. 216.

¹⁰ Чекалова А.А. Византия между державой Сасанидов и варварскими королевствами Запада в IV – первой половине VII. В кн.: Византия между Западом и Востоком. Литаврин Г. Г. (ред). СПб.: Алетейя, 1999. С. 83.

¹¹ Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. Время. Жизнь. Книги. М.: Наука, 1981. С. 170.

2. Концепция власти в империи

Власть и ее источники

Вопрос о власти¹ и ее источниках является одним из важнейших для любого государства и его политико-правовой мысли. Ведь без разрешения этого вопроса непонятно, почему власть существует именно в таком виде, и зачем ей должны подчиняться подданные. Без сомнения данная проблема была одной из составных частей идеи империи в Византии.

Императорская власть, по законодательству Юстиниана и согласно древнеримской традиции, появилась тогда, когда народ делегировал принцепсу свою высшую власть и права. В Дигестах сказано: «*Quod principi placuit, legis habet vigorem: utpote cum lege regia, quae de imperio eius lata est, populos ei et in eum omne suum imperium et potestatem conferat.*» («То, что решил принцепс, имеет силу закона, так как народ посредством царского закона, принятого по поводу высшей власти принцепса, предоставил принцепсу всю свою высшую власть и мощь»), (Dig. I, IV,1). То же самое повторяется в Институциях (Instit. I,II,6) и также, правда, в немного иначе сформулированном виде, в Кодексе Юстиниана, в разделе „*De mandatis principum*” («О полномочиях принцепса»), (C.I. 1,15,1). Таким образом видно, что источником власти и закона является римский народ, который делегировал свою власть императору. Дигесты Юстиниана сохранили разъяснения римского юриста Помпония, указывавшего, что, когда Римское государство стало большим, возникла необходимость централизовать его управление и поэтому появилась должность принцепса (императора) (Dig. I,II,9-11).

Со времен ранней Римской империи олицетворением римской *res publica* становится личность императора². Это заменило, однако не полностью, введенный еще Цицероном принцип персонификации государства с народом, так как именно народ у него являлся основой государства³. Знаменитый оратор указывал: «Государство есть достояние народа, а народ не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов» (Cicer. De rep. I,XXV39). В IV разделе XLVIII книги «Дигест», где речь идет о преступлениях против величия, квалифицированы преступления против должностных лиц и государства,

и они связаны с понятием преступлений против римского народа (Dig. XLVIII,IV,1)⁴, то есть и законодательство Юстиниана сохраняло еще принцип отождествления государства с народом.

Необходимо отметить, что уже в V веке в Константинополе были все атрибуты столицы, в том числе сенат⁵. За народом столицы признавались права участвовать в политической жизни⁶. Народ очень активно вмешивался в вопросы, связанные с передачей императорской власти, к примеру, при избрании императоров Льва I (457 – 474) и Анастасия (491-518)⁷. Хотя, по римской традиции, большую роль в избрании императора имела армия, в ранней Византии реально наибольший вес принадлежал высшим должностным лицам государства⁸.

Возможность участвовать в выборах и в провозглашении императоров народ считал своим неотъемлемым правом, что исходит из выше указанного правового принципа, декларировавшего передоверие власти народа принцепсу. Как все это работало во время Юстиниана в реальной практике, хорошо иллюстрирует восстание Ника в 532 году, когда народ отказался подчиняться властителю и выбрал императором другое лицо. Данные событий описаны Прокопием, Малалой и Евагрием.

Обязанностью императора считалась необходимость отчитываться перед народом. Законодательство Юстиниана подчеркивало принцип — право народа обращаться непосредственно к императору⁹. В ранней Византии, еще до Юстиниана, возникла традиция, по которой контакты императора с народом происходили на Константинопольском ипподроме¹⁰. Он стал местом, где император общался с подданными и где происходило провозглашение императоров и легитимизация их власти¹¹. Важную роль для легитимизации власти как императора Анастасия, так и Юстина I занимала также церковная церемония в кафедральном соборе, которую проводил константинопольский патриарх¹². Но это происходило после того, как император был уже избран и провозглашен народом на ипподроме.

Как, однако, все происходило с Юстинианом? Его никто не выбирал. На практике было также принято, что правящий император провозглашал своим соправителем еще одно лицо (конечно, проведя через все предусмотренные для этого процедуры), которое потом насле-

довало власть. Император Юстин незадолго до своей смерти провозгласил соправителем своего племянника Юстиниана, и таким образом тот автоматически наследовал власть (Proc. BP.I,XIII,1). Эта практика была широко распространена в Римской империи и еще ранее на Востоке, в период эллинизма. Ее использовали Селевкиды¹³. В какой-то мере это присутствовало и в ветхозаветной традиции, где, например, царь Давид перед смертью провозгласил соправителем своего сына Соломона (III Цар. 1,30-39). Соправитель автоматически наследовал власть и в связи с этим не было необходимости в дальнейшем как-то специально пояснять, почему именно этот человек стал императором. Данная практика наследования власти считалась законной, и ее никто не оспаривал.

Восстание Ника хорошо иллюстрирует практику участия народа в политической жизни и в решении вопросов власти. Хронист Малала рассказывал, что эпарх столицы Евдемон взял под стражу и осудил на смертную казнь представителей двух главных партий¹⁴ болельщиков, поддерживавших команды колесничих, так как эти лица участвовали в беспорядках во время состязаний на ипподроме. Однако во время казни сломалась виселица, и двое из повешенных упали. Народ на проходивших состязаниях на ипподроме обратился к императору с просьбой помиловать этих людей. Император не стал спешить с ответом. Тогда толпа начала обвинять некоторых высших чиновников: Трибониана, Иоанна Каппадокийского и эпарха столицы Евдемона. Освобождение их от должностей ситуацию не изменило, бунт уже начался (Mal. XVIII), так как просьба народа не была выполнена сразу. Во время начавшегося восстания, Юстиниан на время вообще потерял контроль над столицей, ее фактически контролировали димы, партии болельщиков. В это время Юстиниан находился в своем дворце фактически под осадой (Proc. BP.I,XXIV,10) и подумывал даже бежать из Константинополя.

На форуме Константина толпа провозгласила императором Ипатия¹⁵, и он позднее явился на ипподром и уселся в императорское кресло (Proc. BP.I,XXIV,24,42; Mal. XVIII). Однако уже некоторые современники событий утверждали, что Ипатий не стал легитимным правителем, так как власть захватил силой, в частности, так писали Малала и Евагрий (Mal. XVIII; Euagr. IV,13). В то же время восставшие

думали иначе и собирались идти на штурм дворца, где находился Юстиниан. Но из-за недостатка организации и нерешительности Ипатия ничего не предпринималось, и время было упущено. Юстиниан, опомнившись, предпринял решительные меры, его полководцы вывели из дворца немногочисленные, но верные войска, которые разогнали восставших (Proc. BP.I,XXIV,28-32,43-51).

Эти события свидетельствуют об определенной напряженности ситуации¹⁶, но тут есть и своя логика, определявшая поведение участников событий. Все это, несомненно, говорит об активности народа Константинополя и о том, что он был реальной политической силой¹⁷. Если император не выполнял требования подданных, толпа могла взбунтоваться и попытаться провозгласить василевсом другое лицо. Организаторами могли выступить партии болельщиков — димы¹⁸. Однозначно нужно сказать, что император с этим должен был считаться. Восстание Ника не было единичным случаем подобного поведения народных масс столицы. В 512 году в Константинополе произошло восстание против императора Анастасия, который открыто перешел в монофизитство, и только путем переговоров на ипподроме ему удалось урегулировать ситуацию (Euagr. III,44). Ясно одно: чтобы сохранить власть, императору необходимо было признание ее законности народом столицы, так как именно таким образом выполнялся принцип права — «власть, данная народом».

Все эти факты говорят о присутствии определенных элементов демократии в ранневизантийском обществе, ведь «демократия есть принцип абсолютизации власти народа»¹⁹. Во всяком случае, точно можно говорить об идее народоправства в сознании населения ранней Византии. Это связано не только с правовыми принципами, но и с тем, что существование всей греко-римской цивилизации связано с полисом и традициями самоуправления. В период поздней античности многие небольшие населенные пункты стали приходить в упадок, и население начало концентрироваться в больших городах²⁰. Это было одной из главных причин, почему большие города в тот период так сильно разрослись. Психологически ситуация была очень накаленной, а народ был весьма политически активен.

С другой стороны, в конституции о составлении «Дигест» «Deo auctore» («Властью Бога»)

сказано: «*Deo auctore nostrum gubernantes imperium, quod nobis a caelesti maiestate traditum est...*» (Властью Бога нашего, управляя Империей, которая передана Нам (императору С.Ц.) небесным величием...)» (*Deo auctore. Praef.*). Таким образом, в законодательстве Юстиниана объединялись два принципа: «власть происходит от народа» и «власть происходит от Бога». В дальнейшем это разъяснялось так: Бог вдохновляет народ, а народ — это инструмент Бога, и политическая власть опосредованно исходит от Бога, но непосредственно от народа²¹. Объединение этих двух принципов было характерно для Византии и существовало практически в течение всей ее истории, так же, как и великое законодательство Юстиниана. Оно имело силу закона на протяжении всей последующей истории империи, несмотря на то, что в дальнейшем принимались другие законодательные акты, в которых роль народа в вопросах власти фактически терялась. К примеру, в законодательном своде VIII века «Эклоге» власть происходит от Бога и ничего нет про народ (*Ecloga. Praef.*). И в более позднее время роль народа в выборах императора также сильно снижается. Большую роль при легитимизации власти в Византии начнет играть библейско-христианская традиция. Но сам по себе принцип, согласно которому источником власти является Бог, вовсе не был новым и был широко распространен на Востоке. Был он известен также в Древней Греции²².

По библейским представлениям о государстве и власти, царь Израиля является Божьим помазанником, его власть от Бога, и он с Всевышним имеет особую связь. Господь сам непосредственно принимал участие в выборах царей Саула (I Цар. 9,17; 11,6) и Давида (I Цар. 16,12-13), и сошел Дух Божий в первом случае на Саула, во втором — на Давида. В этом действии участвовал и народ, так как должность царя была введена по просьбе израильтян (I Цар. 8,5), и люди сначала Саула, а потом Давида признавали своими царями. Посредниками между Богом, народом и царем сначала был Самуил, позже священники, которые помазывали на царство (I Цар. 10,1; 16,13; III Цар. 1,39).

В Новом Завете вера не существовала в тесной взаимосвязи с государством и властью, как это было в Ветхом Завете. В связи с этим данные вопросы тут вообще мало затрагивались. Христианство признает государство, но главное, о чем шла речь в Новом Завете, это Небесное Царствие, а не земное. Ярко это иллюстри-

руют слова Иисуса Христа, на допросе у Понтия Пилата сказавшего: «Царствие мое не от мира сего» (Ин. 18,36). О раздельности существования государства и веры свидетельствуют слова Спасителя: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22,21; Мк. 12,17). Однако признается, что любая мирская власть от Бога, «ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13,1). В то же время сам Иисус Христос есть царь Иудейский (Мф. 27,11 и 37; Мк. 15,2 и 26; Лк. 23,3 и 38) и прямой наследник Давида (Мф. 1). Слово *василевс* — это продолжение как греческой традиции, так и библейской. Ведь именно так именовались Христос и ветхозаветные цари в Священном писании, в греческом его варианте²³.

Юстиниан в большей мере сам себя воспринимал как наследник римских магистратов. В связи с этим тема авторитета и власти народа, ответственности перед ним, гражданских обязанностей и долга отчетливо проходят через его законодательство²⁴. Все законы Юстиниана имеют подробные введения, где законодатель обстоятельно описывает задачи закона, зачем он необходим с точки зрения интересов государства и подданных²⁵. В «Кодексе» Юстиниана император изображается как «Отец отечества» (*pater patriae*), который заботится о подданных и о благе государства (CI. 1,14,12). Как известно, традиция называть императора «Отцом отечества» начинает существовать еще со времени Августа²⁶. Юстиниан предстает ее продолжателем. Функция же правителя заботиться о подданных известна не только в античном мире, но и на Ближнем Востоке²⁷.

Официальная задача кодификации права заключалась в том, чтобы как можно лучше организовать жизнь жителей империи (*Deo Auctore. 1*), так как правильные законы создают основу для благополучной жизни в государстве. В кодексе Юстиниана еще господствует принцип подчиненности императора закону «*adeo de auctoritate iuris nostra pendet auctoritas*» (CI. 1,14,4). В связи с вышесказанным можно присоединиться к мнению большинства историков, считавших Юстиниана последним римским императором, который в своей деятельности полностью руководствовался римским правом²⁸. Однако уже в более позднем законодательстве *василевса*, в «Дигестах», постепенно побеждает принцип, что император

Приношение Юстиниана

выше закона и свободен от его исполнения («Principis legibus solutus est...»), (Dig. I,III,31), а сам закон исходит от императора (Dig. I,IV,1). От имени императора также происходит судопроизводство и назначаются судьи (C.I. 1,15,2.).

В целом, конечно, законодательство Юстиниана во многом направлено на укрепление императорского единовластия²⁹.

В трактате «О постройках», как указывалось, есть описание статуи императора. Василевс изображен на коне в доспехах Ахилла. Во многом это эллинистическая традиция, где как наследник героя бессмертного эпоса изображался Александр Великий — главная персона новой эпохи (Arr. VII,14,4)³⁰. Юстиниан же как бы объединяет сразу двух героев — и Ахилла, и Александра. Он ведь, как известно, также был великим завоевателем. В то же время изображать императоров, сидящих на коне, было римской традицией, а завоевания Юстиниана полностью соответствовали существовавшему пониманию о благой деятельности римского императора. К слову сказать, это было последнее изображение императора, сидящего на коне³¹. Крест над шаром — это, конечно, символ христианства, свидетельствующий о том, что именно благодаря истинной вере ва

силевс одерживал победы над врагами. В то же время это был образ императора — всеобщего владыки³².

Не забыл Юстиниан и о своей жене Феодоре, которой тоже была посвящена не сохранившаяся до наших дней статуя, стоявшая на специальной площади под навесом. Вообще, центр города был застроен грандиозно, не менее помпезно, чем было в древнем Риме. А по мастерству исполнения, как говорил Прокопий, все это не уступало лучшим образцам античного искусства (Proc. De aedif. I,XI,1-9).

Несомненно, Юстиниан стремился к установлению связи «Бог — император — народ». Это позволяло всем ромеям ощущать себя единым народом в христианской империи. Одной из задач власти христианского императора еще со времен Константина Великого становится служение Богу³³.

«Новеллы» Юстиниана говорят о божественности власти императора (Nov. 105, Nov. 109, Nov. 115). А одним из принципов его деятельности становится забота о душах подданных (Nov. 115). Конечно, речь не шла об обожествлении персоны императора. Божественна его власть, а не он сам. Все это — несмотря на определенные стремления императора

Приношение Феодоры

Юстиниана к прославлению самого себя. Ведь он был падок на лживые речи о его благочестии (НА. XIII,10,12). Уже фактически при жизни возникает образ императора — святого.

Например, в соборе Сан-Витале Юстиниан и Феодора были изображены как святые³⁴. Церковь несколько позднее канонизировала Юстиниана и Феодору³⁵. Прокопий в апологетическом трактате «О постройках» писал о Юстиниане как о некоем подвижнике, говорил, что он был весьма неприхотлив, перед пасхой строго постился, зачастую по несколько дней не ел вообще, очень много работал, мало отдыхал и практически не спал (Proc. De aedif. I,VII,7-9). За государственный счет император построил много церквей (Proc. De aedif. I,VIII,5), бесконечно проявлял заботу о спасении душ своих подданных (Proc. De aedif. IV,X,10). Некоторые города были переименованы в честь Юстиниана (Agath. V,21; Mal. XVIII). Все это в определенной степени свидетельствовало о сакрализации власти. В истории остался образ Юстиниана — императора-теолога. И здесь прослеживается некая укорененная в века традиция. Так, например, Марк Аврелий в свое время приобрел репутацию императора-философа. Действительно, в VI веке Юстиниан был одним

из известнейших теологов христианского мира.

Трактаты, написанные от его имени, были созданы, скорее всего, им самим³⁶. Однако специально образ императора-теолога в VI веке не популяризировался.

Вести верующих к спасению стали одной из главных функций императора. Именно через это реализовывалась миссия империи. Прокопий писал: то, что Юстиниан получил высшую власть, было Божьим промыслом, направленным на спасение римского народа (Proc. De aedif. II,IX,11), так как Юстиниан получил от Бога завет заботиться о всей Римской империи и сколь возможно больше охранять ее (Proc. De aedif. II,VI,6). Сам Бог помогал императору (Proc. De aedif. II,XI,11).

Таким образом, Юстиниан объединял библейско-христианскую и греко-римскую традиции. В целом в официальных представлениях о власти объединялись разные принципы: власть одновременно и от народа и от Бога, что порождало необходимость императора служить как народу, так и Богу. Правитель одновременно и подчинен и не подчинен закону. Император одновременно властитель и герой в античных традициях и христианин, главной задачей которого становится забота о своей

душе и о душах подданных. Через это осуществляется миссия империи, и именно так в этих вопросах проявляется идея империи.

Примечания:

¹ Разговор пойдет главным образом о верховной власти.

² Кофанов Л.Л. Понятие *res publica* и *civitas* в 50-й книге «Дигест» Юстиниана. В кн.: «Дигесты» Юстиниана. В 8-ми томах. Лат. текст и пер. Кофанов Л. Л. (ред.). Т. 8. М.: Статут, 2006. С. 204.

³ Грималь П. Цицерон. Пер. с франц. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 300.

⁴ Это из сочинения римского юриста-классика Ульпиана (кон. II - первая пол. III вв.). (*Maiestatis autem crimen illud est, quod adversus populum Romanum vel adversus securitatem eius committitur...*).

⁵ Константинопольский сенат, однако, по сравнению с римским сенатом, был вновь появившейся структурой и состоял главным образом из высших государственных чиновников и лиц, приближенных императору. Чекалова А.А. К вопросу о возникновении сенаторского сословия Константинополя. ВВ, 1989, Т. 50. С. 52.

⁶ Лебедева Г.Е. Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1980. С. 114.

⁷ Чекалова А.А. Константинополь в VI веке. Восстание Ника. СПб.: Алетея, 1997. С. 167-168.

⁸ Чекалова А.А. Архонты и сенаторы в избрании византийского императора (IV – первая половина VII в.). ВВ, 2003, Т. 62. С. 6-20. По мнению Х.Г. Бека, наибольшая роль в выборе императора принадлежала сенаторам. Beck H. G. Senat und Volk von Konstantinopel: Probleme der byzantinischen Verfassungsgeschichte. Philos-hist. klasse. Sitzungsberichte. Heft 6. München: Bayerische Akademie der Wissenschaften, 1966. 75 S.

⁹ Лебедева Г.Е. Некоторые проблемы эволюции городского плебса в ранневизантийском законодательстве. В кн.: Из истории Византии и византиноведения. Курбатов Г. Л. (ред.). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. С. 8.

¹⁰ Чекалова А.А. К вопросу о димах в ранней Византии. В кн.: ВО, Удадьцова З.В. (ред.). М.: Наука, 1982. С. 41.

¹¹ Beck H.G. Byzantisches Lesebuch. München: Beck, 1982. S. 69-75; Острогорский Г. Эволюция византийского обряд коронования. В кн.: Византия, южные славяне и древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. Сбор-

ник статей в честь Лазарева В. Н. Гращенко В. Н. и другие (ред.). М.: Наука, 1973. С. 34-36; Чекалова А.А. Архонты и сенаторы... С. 15.

¹² Чекалова А. А. Архонты и сенаторы... С. 16, 18.

¹³ Левек П. Эллинистический мир. Пер. с франц. М.: Наука, 1989. С. 47.

¹⁴ Именно партиями именовались организации болельщиков в источниках того времени.

¹⁵ Ипатий был родственником императора Анастасия.

¹⁶ Cameron Av. The Byzantines. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2006. P. 26.

¹⁷ Чекалова А. А. Народ и сенаторская оппозиция в восстании Ника. ВВ, 1971, Т. 32. С. 36.

¹⁸ Подробно о димах смотреть в специальном исследовании: Cameron Al. Circus Factions. Blues and Greens at Rome and Byzantium. Oxford: Oxford University Press, 1976. 364 p.

¹⁹ Pleps J., Pastars E., Plakane I. Konstitucionālās tiesības. Rīga: Latvijas Vēstnesis, 2004. 121.lpp.

²⁰ Claude D. Die byzantinische Stadt im 6. Jahrhundert. München: Beck, 1969. XXI+257. S; Курбатов Г. Л. Ранневизантийские портреты... С. 179-181.

²¹ Медведев И.П. Некоторые правовые аспекты византийской государственности. В кн.: Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI – XVII вв. Рутенбург В.И., Медведев И.П. (ред.). Л.: Наука, 1990. С. 22-23.

²² Туманс Х. Две потестарные модели в древней Греции. В кн.: Проблемы античной истории. Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Фролова Э.Д. Дворниченко А.Ю. (ред.). СПб.: Издательство СПб университета, 2003. С. 108.

²³ Успенский Б.А. Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 36.

²⁴ Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты... С. 250.

²⁵ К примеру, конституции «*Deo Auctore*», «*Omnem*», «*Tanta*», введения к «Новеллам» Юстиниана.

²⁶ Шифман И. Ш. Цезарь Август. Л.: Наука, 1990. С. 99.

²⁷ Вейнберг И.П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М.: Наука, 1986. С. 129.

²⁸ Husey J.M. (ed.). The Cambridge Mediaval history, Vol. 4: The Byzantine empire, Part 1: Byzantium and its Neighbours. Cambridge: At the Universiti Press, 1966. P. 29; Острогорски Г. Историја Византије. Београд: Штфмпа и повез, Култура, 1959. С. 95; Ангелов Д. История на Визан-

тия. Ч. 1. 395 – 867 г. София: Наука и искусство, 1959. С. 118.

²⁹ Ostrogorsky G. *Byzantinische Geschichte*. 324 – 1453. München: Verlagsbuchhandlung Becksche, 1963. S. 53.

³⁰ Подробнее об этом: Шахермайр Ф. Александр Македонский. Пер. с нем. М.: Наука, 1986. С. 43, 90, 100-101.

³¹ Грабар А. Император в византийском искусстве. Пер с франц. М.: Ладомир, 2000. С. 65.

³² Сюжет с конной статуей императора отчасти был уже рассмотрен нами ранее.

³³ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М.: ГУП Облиздат, Алир, 1998. С. 142.

³⁴ Собор Сан-Витале бы построен между 538 и 545 годами. Мозаика с изображением Юстиниана и Феодоры была сделана примерно в эти же годы. Herrin J. *Byzantium. The surprising life of a medieval empire*. London: Penguin Books, 2008. P. 66-68; Лазарев В.Н. История византийской живописи. М.: Искусство, 1986. С. 44-46; Лазарев В. Н. История византийской живописи. Таблицы. М: Искусство, 1986. 597 иллюстраций. Илюстр. 54-60.

См. иллюстрацию мозаик: Приношение Юстиниана и Приношение Феодоры. Хотя, конечно, каноны изображения святых в то время еще полностью не сложились. Но тенденция на данных изображениях, в общем-то, однозначна.

³⁵ Христианская Церковь уже с VI века почитала Юстиниана как святого: Лурье В. М. История византийской философии. СПб.: Аxioma, 2006. С. 146; Память благоверного царя Юстиниана и царицы Феодоры. В кн.: Жития Святых. На русском языке, изложение по руководству четьих-миней Св. Дмитрия Ростовского. С дополнениями, примечаниями и изображениями святых. Книга третья (ноябрь). М.: Златоуст, 1994. С. 409-411. Однако широко распространенной традиции почитания Юстиниана и Феодоры не возникло, видимо, потому, что они были весьма противоречивыми фигурами.

³⁶ Лурье В.М. История византийской философии. СПб.: Аxioma, 2006. С. 145.

Власть и ее задачи в сочинениях современников Юстиниана

Ни один из авторов этой эпохи не ставил под сомнение необходимость существования императорской власти как таковой и не говорил о необходимости установления республиканских порядков. Не пишет про это и наибо-

лее яростный критик Юстиниана Прокопий Кесарийский¹.

Принимая во внимание то, что в ранней Византии продолжали господствовать наиболее распространенные античные представления о власти и государстве, необходимо их вкратце вспомнить, дабы лучше понять современников Юстиниана и те категории, в рамках которых они мыслили.

Как научная дисциплина, учение о государстве и власти возникло в древней Греции в IV веке в трудах Платона и Аристотеля. Согласно классикам античной философии, люди создают государство, чтобы жить вместе и помогать друг другу (Plat. Resp. 369b). В то же время цель государства — это благая жизнь, и весь этот механизм существует для этой цели (Arist. Pol. 1281a,1-5). Поэтому государственным благом является справедливость, т. е. то, что служит общей пользе (Arist. Pol. 1282b,15-20). Таким образом, именно Платон и Аристотель теоретически сформулировали принцип — главная цель государства есть общее благо, хотя осознание этого возникло уже до них². В то же время не всякое государственное устройство и не всякие политики, находящиеся у власти, служат общему благу. Если власть получают неподходящие люди, тогда они разрушат главную цель государства, ибо начнут использовать его только в своих корыстных целях (Plat. Resp. 421a).

Платон и Аристотель, следуя основанной Сократом традиции³, конкретно отделили власть царя от власти тирана. Власть царя является одной из разновидностей монархической власти, которая существовала в героическое время на основе добровольного подчинения граждан (Arist. Pol. 1286b,5), и закона. Власть же тирана основывается не на законе, и тут нет добровольного подчинения граждан (Arist. Pol. 1285a,25), так как личная власть, достигнутая через обман или силу, уже является тиранией (Arist. Pol. 1313a,5-10). Цель тирана — получить блага для себя, а не для подданных (Arist. Pol. 1295a,20). Тиран ничего не делает на благо общества, если в этом нет его персональной выгоды. Цель царя — наблюдение за тем, чтобы владеющие собственностью не терпели никаких обид, а народ не терпел оскорблений (Arist. Pol. 1311a,1-10). Если же царь начинает править деспотически, как у варваров, тогда его власть, согласно Аристотелю, превращается в тиранию (Arist. Pol. 1285a,20-25). Хорошему царю необходимо быть опекуном государства

(Arist. Pol. 1314b,35-40), он должен заботиться об общественной собственности (Arist. Pol. 1314b,1-5) и избегать ее ненужной растраты. По мнению Платона, тирания есть величайшее и жесточайшее рабство (Plat. Resp. 564a), и тиран борется против людей, которые ему могут составить оппозицию (Plat. Resp. 567c).

В представлении Платона, правитель должен быть философом. Ибо, пока государство не будет объединено с философией, оно не избавится от зла (Plat. Resp. 473d). Эту идею в Риме на практике реализовывал император Марк Аврелий (161-180). В свою очередь, Аристотель выдвинул идею о правильных и неправильных устройствах государства. Правильны те, которые служат общему благу. Лучшее устройство государства — это то, которое объединяло бы лучшие черты всех известных законодательств⁴. Эта идея господствовала в античном мире, и через ее призму многие историки, писатели и философы рассматривали вопрос о власти. Это также стало теоретической основой и для византийских мыслителей.

Без сомнения, представления о государстве в это время были самым тесным образом связаны с христианством и существовавшей в его рамках традиции. Это мы отчасти затрагивали в предыдущем разделе. Отцы Церкви изначально мало интересовались государством и вопросами власти. Но в ситуации сближения государства и христианства данная тема не могла более оставаться без их внимания. Первый церковный историк Евсевий пишет, что огромная Римская империя есть создание Божественного провидения, дабы христианству было легче распространиться (Euseb. Hist. IV,7-8)⁵. А позже христианская империя становится у него средством спасения подданных⁶. В то же время для другого классика христианской мысли Аврелия Августина империя — лишь проходящий момент, а важен град Божий, земным воплощением которого является христианская Церковь. Однако полностью не отрицает он и христианскую империю⁷.

Сочинения Евсевия также содержат целостное понимания царской власти. Власть царя, как говорит историк, есть уподобление власти Всевышнего (Euseb. De Laudibus Const. 1. Властитель «вместо одежды, облекает свою душу истинно царскими украшениями: воздержанием и правдой, благочестием и прочими добродетелями». Истинный император желает царствия Божьего и молится о получении его. Тот, для кого характерны «распутная

жизнь, любостяжание, убийства, богоборчество, нечестие, кто предался всему этому, хотя бы иногда и возвысился тиранической властью, василевсом и наименован быть не может» (Все из: Euseb. De Laudibus Const. 5).

Для главного историка эпохи Юстиниана Прокопия идеальное государство — это правовая монархия, где император соблюдает законы и традиции империи. Для благополучного правления императору необходимо советоваться с элитой общества⁸. В «Тайной истории» критикуется плохой император-тиран, но не императорская власть как таковая⁹. Критика императора основывается на понимании задач правителя, главная цель которого — достижение общего блага. Критикуя правление Юстиниана, Прокопий пытается объединить три доминировавшие традиции: греческую, говоря о Юстиниане как о тиране (Proc. HA. XIV,17; XXII,13; XXV,1 и в других местах), цель правления которого не направлена на общее благо; римскую, показывая, что Юстиниан был похож на одного из римских императоров-антигероев — Домициана (Proc. HA. VIII,13), постоянно творил произвол, нарушал традиции и законы государства; христианскую, создавая образ Юстиниана как императора — демона на троне, воплощение сатаны, антипода Христа Спасителя. В результате правления этого василевса, говорит историк, Господь отвращается от империи (Proc. HA. XII,19,26-27; XVIII,36-37). Все это свидетельствует о стремлении автора к системной критике существующей власти¹⁰. Без сомнения, Прокопий не согласен со многими направлениями как внешней, так и внутренней политики императора. Так, негодование историка вызывает стремление Юстиниана все менять, не соблюдать традиции государства (Proc. HA. XI,1).

Вопрос об источниках власти Прокопием не затрагивается. Автор в целом не стремился в своих сочинениях много теоретизировать. В свою очередь, «Тайная история» поражает настолько резкими нападка на власть, что они кажутся просто фантастическими¹¹.

В критике власти и требовании хорошо управлять государством не было ничего нового. Это было широко распространено в Риме периода ранней империи в трудах Светония, Плиния Младшего, Тацита и других авторов. Тогда же был разработан образ «хорошего» и «плохого» императоров. К «хорошим» относились Август (Sueton. Aug. 97,1-2), Траян (Plin. Paneg.), Марк Аврелий (Aurel. Vict. XVI,1-

2. Плохие — это Калигула, Нерон, Домициан (Sueton. Cal.; Ner.; Dom.). Не случайно Прокопий сравнивает Юстиниана именно с римским императором Домицианом.

Несомненно, сильным было влияние библейской традиции. Израильский царь в Ветхом Завете выступает как пастырь народа, подчиняющийся исключительно Всевышнему¹². Воля Божия и благо евреев — «Божьего народа» — воспринимаются как синонимы. Ветхий Завет в то же время полон критики плохих царей. Критиковали практически всех еврейских царей. К примеру, о Соломоне сказано: «И было у него семьсот жен и триста наложниц; и развращали жены сердце его. Во время старости Соломона жены его склонили сердце его к иным богам, и сердце его не было вполне предано Господу Богу своему, как сердце Давида, отца его» (III Цар. 11,3-4).

Церковные авторы IV — V веков, принимая империю как христианское государство и развивая римские традиции, разработали свой идеал «хорошего» и «плохого» императора. Образцом для подражания, конечно же, был Константин Великий, признаваемый равноапостольным¹³. У Евсевия он является слугой Господа (Euseb. Hist. X,8,18) и исполнителем Его воли. Восхвалялся также Феодосий I¹⁴, за поддержку истинной веры (Socr. V,14,18,25) и как образец исполнения принципов христианской добродетели (Aug. De civ. Dei V,26). С другой стороны, императоры-тираны — это императоры-язычники, устраивавшие гонения на Церковь¹⁵ (Euseb. Hist. VIII,14,7 и 18; IX,1,1 и в других местах), а позже — императоры-вероотступники¹⁶ и еретики, например, Валент (Socr. III,1,11,19; IV,1,3,6).

Идеальный император для другого современника Юстиниана Агафия — это мудрый правитель, который заботится о государстве и всеми силами старается способствовать общественному благополучию (Agath. IV,10). Это в некоторой степени есть по иному сформулированная забота о подданных. То, что основой всего этого для автора является правопорядок, понятно, принимая во внимание то, что Агафий по профессии был юристом. Как и Прокопию, Агафию свойственен определенный консерватизм, например, автор, критикуя персидского царя Кавада, в упрек ему ставит стремление к нововведениям (Agath. IV,10). По отношению к правлению Юстиниана он настроен лояльно, каких-то резких выпадов против императора и его политики труд Агафия не содержит.

В анонимном трактате («О политической науке»), автор считает, что можно достигнуть гармонии путем сбалансирования интересов, из-за различия которых и возникают конфликты в обществе. В трактате ромейское государство — это микрокосм, отображение вселенной. Империя есть «подражание Богу». Во главе государства стоит император, которого избирают. Кандидатов выдвигают из представителей знати, и их должно быть несколько, выбирают все слои общества (народ, армия, духовенство, аристократия). После богослужения в кафедральном соборе правителя избирают по жребию, что означает: в этом действии принимает участие и Божественное провидение. Император обязан сложить с себя полномочия, когда достигнет шестидесяти лет. Далее в системе управления идет знать. Из ее представителей император избирает десять высших чиновников, их главная задача — предотвращать упадок общества, участвовать в управлении государством, контролировать императора. Фактически они обладают большей властью, чем сам император. Далее они избирают чиновников более низкого ранга и т.д.¹⁷

Теоретической базой тут является неоплатонизм с идеей иерархического устройства вселенной. Империя есть отображение более высокой и более совершенной иерархии. Присутствует тут также учение о смешанной форме государства как о его наилучшем устройстве. В определенной степени здесь доминирует элитарный принцип формирования власти. Фактически предлагается олигархическое политическое устройство с ограниченной императорской властью. Автор не отвергает Бога и Церковь, но в своих основах трактат по большей части находится в античных традициях. Без сомнения, в нем отражена идея империи, однако со своим специфическим пониманием и с ограничением власти правителя, что не стыкуется с официальными постулатами.

Вскоре после того, как Юстиниан принял высшую власть, дьякон Святой Софии Агапит написал трактат, получивший в научной литературе название «Наставление Агапита»¹⁸. Главную цель сочинения он видит в «...возвеличивании императорской Божественной власти». «Император есть властитель над всеми и всеобщий правитель... он подобен Богу в степени земной власти... Его власть подобна небесной власти Бога... Он подражает Божественной власти на земле и Небесное Царство есть образец для земного» (Agar. I,2-3). Ага-

пит четко показывает принцип Божественного происхождения верховной власти, и империя для него есть подражание небесного Царству. Это имеет последствия двоякого рода: с одной стороны, это делает власть императора неограниченной, с другой стороны, в одном лице оказывается соединенной Божественная власть и несовершенная природа человека. Агапит отмечает, что природою тела царь равен всякому человеку, властью же сана подобен всевышнему Богу (Агар. II,12). Таким образом, Агапит обожествляет не личность императора, а институт императорской власти. Поэтому вторая задача сочинения — это научить вновь вступающего на престол правителя правильно управлять государством и с помощью этого добиться наилучшего порядка в империи (Агар. II,14). Благочестивый государь должен рассматривать свое царствование, пишет Агапит, как Божественное служение, так как целью для него является собственное спасение (Агар. III,17). Исходя из этого, основным содержанием текста является провозглашение обязанностей государя употребить неограниченную власть во имя спасения подданных (Агар. III,9). Император должен править справедливо, обязан помогать бедным (Агар. IV,5). Между подданными и императором должна быть гармония, он обязан быть им как бы отцом, те же должны ему подчиняться. Но наряду с этим царь должен своей строгостью и справедливостью внушать подданным страх. Агапит пишет: «сделайся для подданных, о благочестивейший царь, и страшным в силу превосходства власти, и желанным в силу доставления благодеяний (Агар. VII,3). Эти слова резюмируют политический идеал Агапита — идеал благочестивого самодержавия, главная цель которого — спасение душ подданных. В сочинении дьякона, без сомнения, есть отражение основных постулатов идеи империи и ее миссии. Направлено оно через поучения власти на приближение к недостижимому образцу — Царствию Небесному, прообразом которого является империя. Кроме того, император объявляется всеобщим правителем. Власть его подобна Божественной и, разумеется, не ограничивается только пределами самой территории империи.

Евагрий пишет главным образом в русле ортодоксальной церковной традиции. «Плохие» у него те императоры, которые были еретиками, например, Зенон (Euagr. III,1,22). К Юстиниану он был достаточно лоялен, критиковал только последние годы его правления,

так как тот, по его мнению, впал в ересь и к тому же неоправданно много потратил государственных средств (Euagr. IV,30,39).

В то же время историк отмечает, что Юстиниан построил много церквей. Лучшие императоры, по его мнению, это Константин Великий (Euagr. III,41) и Маврикий (Euagr. V,19); во время правления последнего он и написал свою историю церкви. «Хороший император» у него тот, который является добропорядочным христианином и жизнь которого соответствует христианской морали. Власть хорошего императора однозначно от Бога. Императоров, которые не полностью соответствуют его идеалам, он не именует тиранами. Тираны лишь те, кто захватили власть незаконно, например Василиск (Euagr. III,8) и Ипатий (Euagr. IV,13). Народ как источник власти у него не присутствует.

Малала Юстиниана не восхваляет, но и не критикует. Отношение нейтральное. Важный момент для него — это борьба императора с еретиками, что автор неоднократно одобрительно отмечает. Юстиниана он называет Божественным (Mal. XVIII), имея в виду, конечно, не его самого, а институт власти как таковой, персонифицируя власть в лице конкретного императора.

Без сомнения, вопросы власти являются одной из неотъемлемых частей идеи империи в Византии эпохи Юстиниана. Как было показано, тут объясняются ее источники и задачи. Античные и христианские традиции здесь опять же соседствуют и часто сливаются в единое целое. Законодательство Юстиниана содержит как принцип, согласно которому источником власти является народ, так и принцип ее божественного происхождения. Все это породило определенный дуализм в сознании византийцев, возможность разных трактовок одних и тех же понятий, создало как феномен ранневизантийской демократии, так и ореол сакральности власти и идеи подобия божественной власти с претензиями на всеобщность и неограниченность только рамками собственной территории империи¹⁹.

Власть в лице Юстиниана все более и более персонифицируется. Образ императора у разных историков весьма разнообразен: от резко негативного в «Тайной истории» Прокопия до присвоения ему почти что святости у того же автора в трактате «О постройках». Другие авторы придерживаются более сдержанной позиции, но также считают своим правом критиковать и поучать василевса.

Задачей власти является служение народу и Богу. Все это рассматривается в контексте миссии империи, где главной целью главы государства становится спасение душ подданных. В свою очередь, для светских авторов, находящихся в большей степени еще в системе античных традиций, главной целью власти является общее благо. Но в том и другом случае речь идет о близких вещах, и плох тот император, который не вписывается в эти рамки. В негативных красках изображаются те василевсы, которые творят произвол, не выполняют обязанности верховного правителя. Тема «плохих» императоров²⁰ в политической литературе Византии становится столь же популярной, как и в Риме.

Примечания:

¹ Он был одновременно и яростным критиком правления Юстиниана в «Тайной истории» и апологетом в трактате «О постройках», написанном, видимо, по заказу императора.

² Туманс Х. К идее государства в архаической Греции. ВДИ, 2006, № 3. С. 102-104. Можно сказать, что этот принцип был укоренен в сознании древних греков.

³ Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерк античной общественной мысли. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. С. 250.

⁴ Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII – V вв. до н.э.). СПб.: Гуманитарная Академия, 2002. С. 480.

⁵ Такой подход не был открытием Евсевия. Идея о том, что большая Римская империя подготовила необходимые условия для распространения христианского учения, известна уже с III в. См.: Лебедев Н.П. Христианство и империя: позиции в апологетической литературе конца II – первой половины III вв. н.э. Вестник РГГУ, 2008, № 12. С. 53.

⁶ Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии. Латинская патристика. М.: Мысль, 1979. С. 338-339.

⁷ Майоров Г.Г. Формирование... С. 337; Западная мысль отдала предпочтение трактовке Августина. См.: Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия. Пер. с англ. М.: Наука, 1998. С. 154.

⁸ Гнев историка вызывает то, что заседание сената Юстиниан превратил в профанацию (Proc. HA. XIV,8).

⁹ Удалцова З.В. Мировоззрение Прокопия Кесарийского. ВВ, 1971, Т. 31. С. 14.

¹⁰ Поэтому мы не можем согласиться с мнением таких историков, как А. Кемерон, пытавшийся объяснить «Тайную историю» только тем, что сочинение принадлежало к очернительному жанру – псогосу, поэтому в ней, мол, нет ничего подлинного вообще. См.: Cameron Av. Procopius and the Sixth Century. Classical life and letters. London: Variorum reprints, 1985. P. 68, 73, 83. Похожее мнение разделяют и некоторые другие исследователи, например: Bauer H. Reise in das goldene Buzanz. Leipzig: Prisma – Verlag Zenner und Gärchott, 1982. S. 118-121. Другие историки, указывая на жанр псогоса, не отвергают полностью факты, упомянутые в произведении. См.: Tinnefeld F.H. Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie von Prokop bis Niketas Choniates. München: Fink, 1971. S. 29, 33-35.

Стоит отметить, что многие описанные факты, наоборот, вполне похожи на правду, например, то, что Прокопий обвиняет Юстиниана и Феодору в конфискации имущества высших государственных чиновников. Это было закономерной частью системы, предполагавшей взяточничество и казнокрадство. См.: Beck H.G. Keiserin Theodora und Prokop: Der Histotiker und sein Opfer. München; Zürich: Serie Piper-Porträt, 1986. S. 140.

¹¹ Например, рассказы Прокопия о том, как Юстиниан ходил по дворцу без головы (Proc. HA. XII,21) и другое.

¹² К примеру, о полномочиях царя и о его связи с Господом: «будет судить нас Царь наш, и ходить перед нами, и вести войны наши» (I Цар. 8,20), и из 1 книги Паралипоменон: «Господь Бог сказал тебе: ты (Давид С.Ц.) будешь пасти народ Мой, Израиля, и ты будешь вождем народа Моего Израиля» (I Пар. 11,2).

¹³ Власов С.М. Константин Великий. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2001. С. 110-114; 196.

¹⁴ Удалцова З.В. Церковные историки ранней Византии. ВВ, 1982, Т. 43. С. 16.

¹⁵ Такие, как Диоклетиан, Максимин, Максений. Их Евсевий называет злодеями, тирами, слугами и исполнителями воли нечистого.

¹⁶ Речь идет, конечно же, о Юлиане Отступнике.

¹⁷ См.: Досталова Р. Напряженность социальной обстановки в Византии V–VI вв. в отражении анонимного трактата. ВВ, 1990 (1991), Т.51. С. 45-57.

¹⁸ Об этом: Ševčenko I. Agapetus East and West: the fate of Byzantine. „Mirron of Princes”. In: Ševčenko I. Ideology and culture in the Byzantine World. London: Variorum reprints. 1982. P. 3-44; Копосов Н.Е. Наставление Агапита и Западно-

европейская политическая мысль XVI – XVII вв. (Агапит и Эразм). ВВ, 1982, Т. 43. С. 90-97.

¹⁹ Отчасти этот вопрос затрагивался в начале работы.

²⁰ О традиции критики императорской власти в Византии см.: Tinnefeld F. H. *Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie von Prokop bis Niketas Choniates*. München: Fink, 1971. 205 S.; Чичуров И.С. ВВ, 1973, Т. 35. Рец. на книгу: Tinnefeld F.H. *Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie von Prokop bis Niketas Choniates*. München, 1971. С. 256-259.

3. Унификация империи

Кодификация права

Во времена Юстиниана была проведена обширная кодификация римского права. Объем систематического изложения права был грандиозен. Необходимо выяснить цели кодификации и ее место в общеимперской системе, ведь столь высокая активность на этом поприще не могла быть случайной.

В конституции «Deo Auctore» сказано, что раз верховная власть дана императору, тогда и законы есть его прерогатива (Deo Auctore. 7). А получив власть, Юстиниан нашел недостатки в них и решил их исправить, добавляет конституция «Omnem»¹ (Omnem 2).

Кодификация проводилась, согласно конституции «Tanta», для наведения порядка во всем римском праве и состояла из трех частей: Институции, Дигесты, Кодекс (Tanta. 12). Новеллы, фактически четвертая часть законодательства Юстиниана, увидели свет уже после кодификации права.

В сводах законов важен термин «право», который сам по себе много что разъясняет. Право, согласно Дигестам, есть наука о добром и справедливом (Dig. I,1,1). Право предписывает людям жить честно, ближнего не оскорблять, воздавать каждому свое (Instit. I,1,3). Думается, Юстиниан верил в силу права, считал, что если провозглашенные принципы восторжествуют, то создастся гармоничное общество, и эту задачу он поставил во главу угла своей законодательной деятельности. Поэтому всегда вопросы права так много места занимали в деятельности этого энергичного правителя.

В свою очередь, Дигесты, повторяя слова Демосфена, определяют закон как «общее со-

глашение общины, по которому следует жить находящимся в ней» (Dig. I,III,2). Поэтому он устанавливается не для отдельных лиц, а для всех (Dig. I,III,8). Таким образом, законы являются очень важной вещью, и кодификация проводится, дабы люди могли ими пользоваться (Tanta. 13). Причем законы (и право в более широком смысле) должны создавать единую систему и не противоречить друг другу. Об этом подробно говорится в конституциях к кодификации. Утверждается, что путанность, нечеткость законов и права приводили к сложности его использования. Поэтому было необходимо все это переработать (Deo Auctore. 4,5,8; Omnem Praef.; Tanta Praef.). Цели кодификации лучше всего характеризует высказывание: «(право. – С.Ц.) ...было нами расчищено так, чтобы, как бы окруженное стеной, ничего вне его не находилось» (Deo Auctore. 5). Далее говорится, что в дальнейшем необходимо использовать только те законы, которые включены в указанную кодификацию (Институции, Дигесты, Кодекс) (Tanta. 19). Только эти правовые нормы с настоящего момента имеют юридическую силу.

В Дигестах отмечается, что право обязательно для всех. Поступает же против закона тот, кто делает то, что запрещено им (Dig. I,III,29). В другом месте сказано, что все, что происходит не по праву, есть правонарушение (Dig. XLVII,X,1) и наказывается по закону.

Все это характеризует открытую, декларированную цель законодательной деятельности императора. Не полностью ясно одно: почему же именно для Юстиниана все это было так важно, почему именно в годы его правления власть так много усилий потратила на наведение порядка в праве?

Разгадка, думается, кроется в одной из фраз во введении к Институциям, где указывается, что именно с помощью закона император должен лучше управлять государством (Inst. Praef.). К тому же, как уже было сказано, стремление к упорядочиванию пространства и есть одна из задач власти, дабы максимально уподобить творение божественному образцу. Идеал, конечно, недостижим, но это не значит, что к нему не надо стремиться. Так, наведение порядка в праве стало одним из инструментов, по мнению императора, для приближения к заветной цели. Особенность законодательства Юстиниана — это мелкая регламентация, что также очень хорошо ха-

рактизует цель кодификации. Однозначно кодификация проводилась для организации лучшего управления империей. Было необходимо урегулировать взаимоотношения как в государственной сфере, так и между отдельными частными лицами, что должно было служить интересам гармонизации всего общества в целом. Поэтому так много места в законодательстве уделено не только административному, но и частному праву.

Все это становилось одним из направлений политики по унификации империи. Ведь именно это, как полагал Юстиниан, позволило бы сплотить государство, разрешить многие конфликты и противоречия, царящие в обществе. Практика кодификаций стала распространяться в поздней Римской империи². Как известно, законодательство VI века не была первой попыткой кодификации римского права, но она была наиболее полной, стремящейся к всеобъемлющему охвату. Кодификация Юстиниана объединяла все тогда известные отрасли права.

Несомненно, по своей сути законодательство Юстиниана было больше античным, чем христианским³. Например, сохранялось право развода (Dig. XXIV,II), также все люди делились, как в древности, на свободных и рабов (Dig. I,V,3). Однако некоторые положения, характерные для более раннего времени, были отменены или ограничены, например, право отца продавать в рабство своих детей (Dig. I,VII,36 и 46; Inst. I,XII,6). Закреплены были некоторые права женщин⁴.

Наша работа, конечно, не ставит целью описать и рассмотреть все нюансы кодификации Юстиниана. Ее задачей считаем выявление основных тенденций, раскрывающих идею империи и показывающих цели законодательства и его место в политике императора.

Дигесты (Dig. I,IX-XXII; L,I-XI) и Кодекс (C. 1,14-1,57) подробно регламентируют функционирование центральной и местной власти. Из государственных учреждений и должностей только император и сенат не регламентированы подробно. Видимо, это связано с тем, что император не хотел сам себя загонять в рамки закона, а сенат в то время выполнял лишь совещательную функцию при императоре, у него не было реальной власти и административных функций в государстве⁵. В то

же время деятельность должностных лиц как общеимперского, так и местного уровня была подробно регламентирована. Было описано, как и по каким принципам эти лица должны избираться на свои должности и как им действовать в различных ситуациях. Например, описано, что в обязанности префекта входит: выслушивать жалобы рабов на своих господ (Dig. I,XII,1)⁶; он должен заботиться, чтобы менялы (из текста не ясно, о каких менялах идет речь) хорошо выполняли свою работу и не занимались тем, что запрещено (Dig. I,XII,9); под его надзором находится мясной рынок, и поэтому он должен его регулировать так, чтобы на нем продукты продавались по справедливым ценам (Dig. I,XII,11).

В законах много говорится о добродетели и моральной ответственности чиновников. Согласно 16 Новелле управляющий провинции изображается как отец и глава семейства, а подданные как его дети (Nov. 16,9). Однако здесь же сказано, что после освобождения от должности чиновник должен еще пятьдесят дней находиться на месте своей службы, так как против его действий могут быть выдвинуты иски и жалобы жителей. Этим пытались достичь ответственности чиновников за свою деятельность.

Много места в законодательстве занимает борьба со злоупотреблениями. Так, в Дигестах установлены ограничения против растраты муниципальных средств на не предусмотренные на то цели⁷. В исключительных случаях это можно делать только с разрешения императора (Dig. L,VIII,6). Восьмой раздел пятидесятой книги Дигест подробно описывает, каким образом необходимо управлять имуществом муниципалитета⁸, дабы избежать его расхищения.

В разных местах говорится об уголовной ответственности за незаконные действия чиновников. Тринадцатый раздел сорок восьмой книги Дигест посвящен ответственности за расхищение государственных средств и вносит дефиницию указанных действий. Там говорится: расхищение государственных средств — это действие, когда лицо присваивает государственное имущество (Dig. XLVIII,XIII,3). Одиннадцатый раздел сорок восьмой книги Дигест посвящен взяточничеству. Взяточничеством считается действие, когда должностное лицо государства или самоуправления⁹, или лицо, являющееся представителем учреждения,

во время исполнения должностных обязанностей принимает деньги или подарки (Dig. XLVIII, XI, 3). Все это квалифицируется как зло, с которым необходимо бороться. Взятничество во наказывается ссылкой или более суровым наказанием, в зависимости от конкретного преступления (Dig. XLVIII, XI, 7, 3).

Все эти примеры свидетельствуют о множестве проблем в государственном управлении, которые Юстиниан пытался урегулировать с помощью закона. Также видно, что произвол чиновников был весьма распространенным явлением и с ним государство пыталось бороться с помощью мелочной регламентации полномочий должностных лиц и путем наказаний.

В римском классическом праве важным был вопрос о гражданстве в империи¹⁰. Кодификация Юстиниана это практически не затрагивает, ограничиваясь лишь вопросами о правовом положении лиц и о муниципальном гражданстве. Принимая во внимание то, что в это время римскими гражданами являлись все жители империи, еще какая-то специальная регламентация была попросту не нужна¹¹.

В свою очередь, термин «муниципальное гражданство» широко используется в кодификации. Там подробно описывается, как муниципальное гражданство влияет на положение лиц и как можно стать гражданином конкретной общины (Dig. L, I, 1). Похоже, это было необходимо, чтобы каждый человек осознавал, к какой муниципии он принадлежит и чтобы в связи с этим у него возникали права и обязанности по отношению к местной власти и через это к государству в целом. Скорее всего, все эти меры были направлены на сдерживание кризиса и упадка мелких муниципий и в связи с этим концентрации большого количества полумаргинализированного населения в имперских центрах, что приводило к неспокойной обстановке. Можем тут вспомнить восстания в начале правления Юстиниана, сначала в Антиохии, потом в Константинополе. К тому же в целом большое количество бродяг вызывало беспокойство властей. Поэтому, например, бродячих монахов стремились через закон приписать к конкретным монастырям¹².

Кодекс и Дигесты играли больше роль универсальных, системообразующих сборников законов и были адресованы всему обществу. Институции, как известно, были учебни-

ком права, но также имели силу закона. Реально государство вмешивалось в разрешение тех или иных конкретных ситуаций через императорские декреты. По большей части это были Новеллы. Конечно, часть из них также имела общую направленность¹³, но некоторые были адресованы непосредственным лицам и для разрешения конкретных задач управления¹⁴.

Кодификацию права можно назвать одним из инструментов политики Юстиниана, направленной на объединение и унификацию империи. Все это было необходимо, чтобы осуществлять миссию империи по спасению душ подданных. Необходимо также было собрать все имперские территории, потерянные на Западе, где властвовали варвары. Понятно, что для этой цели нужно было сначала обеспечить прочный тыл внутри государства. Поэтому мероприятия по кодификации права стали отправной точкой политической программы императора¹⁵.

Необходимо отметить, что для унификации христианской империи Юстиниан активно использовал римское языческое право, фактически его лишь минимально христианизировав. Это все усугубляло существующий дуализм, свойственный Византии и в дальнейшем, а государственная система оставалась по своей структуре во многом античной.

Создать с помощью законов гармоничное общество Юстиниану так и не удалось. Хотя в какой-то мере определенная унификация произошла, но, разумеется, далеко не в полном объеме. Законодательство было очень громоздким, неудобным в использовании, все правовые и общественные противоречия оно не преодолело и, конечно, не могло преодолеть. Реализовывая свою программу, Юстиниан стал не только известным специалистом в области теологии, но и в области права. Видимо автором некоторых законодательных актов являлся именно он сам. Ведь император, как известно, пытаясь все контролировать, мало спал, очень много работал (Proc. HA. XIV, 4; XV, 11-12). Но бюрократизация системы управления и стремление высшей власти все держать под контролем идеального порядка не создают. О коррупции и злоупотреблениях чиновников во второй половине правления Юстиниана свидетельствуют многие авторы: наиболее ярко Прокопий Кесарийский в «Тайной истории» и Иоанн Лид¹⁶.

Примечания:

¹ Название «Весь», от первого слова в тексте: «Весь нерушимый закон нашего государства...» (*Omnem rei publicae nostrae sanctionem...*) (*Omnem. Praef.*).

² Это не было случайным: полагаем, императоры пытались сдержать кризис античного общества, стремясь укрепить его путем бюрократизации и регламентации. Во II веке, как известно, император Адриан произвел кодификацию преторского права. При Диоклетиане были созданы два сборника законов. Позже кодификацию проводил император Феодосий II. См.: Пухан И., Поленак-Акимовская, М. Римское право. Пер. с македонского. М.: Зерцало, 1999. С. 59-60.

Кодекс Феодосия II не был полным сводом римского права и сохранился до наших дней только в фрагментах. Липшиц Е.Э. Право и суд Византии в IV–VIII вв. Л.: Наука, 1976. С. 14.

³ Так, наиболее большая часть кодификации Дигесты – составлена из выдержек из сочинений римских юристов-классиков II–III вв., что во многом означало восстановление римского права. Покровский И.А. История римского права. СПб.: Издательство Торговый дом Летний сад, 1998. С. 239.

Например, М. Блок, говоря о рецепции римского права в средневековой Европе, характеризовал ситуацию так: «Скрытый языческий дух глубоко светского римского права тревожил многих Церковных деятелей». Блок М. Апология истории. Пер. с франц. М.: Наука, 1986. С. 178.

⁴ Например, для заключения брака необходимо было согласие обеих сторон (*Dig. XXIII, II, 2*); в случае, если брак распадался, существовала возможность попросить назад полученное бывшим мужем приданное (*Dig. XXIV, III*).

⁵ Дигесты больше ориентированы на описание статуса и привилегий сената и сенаторов (*Dig. I, IX*).

⁶ У рабов были свои определенные права; так, в законодательстве Юстиниана был повторен закон Антонина Пия (138-161), где говорилось, что хозяин наказывается, если он без причины убил своего раба и даже если он жестоко обращается со своими рабами (*Dig. I, VI, 1-2*; *Inst. I, VIII, 2*). О положении разных категорий людей см.: Garnsey P. *Social status and Legal Privilege in the Roman Empire*. Oxford: Oxford University Press, 1970. XIII+320; Ostrogorsky G. *Observations on the aristocracy in Byzantium*. DOP, 1971, Nr. 25, P. 3-17; Лебедева Г.Е. Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1980.

⁷ Например, предписано, что деньги, предусмотренные на закупку хлеба, необходимо тратить только на эти цели. Если чиновник это не выполнял, то растроченные деньги удерживались из его личного имущества (*Dig. L, VIII, 2*).

⁸ Сдавать в аренду имущество можно было только тогда, если заключались необходимые договоры, предусматривающие адекватную оплату. Если это условие не исполнялось, чиновник призывался к ответственности (*Dig. L, VIII, 5*).

⁹ Это также относится к судьям, послам и иным лицам, представляющим интересы государства (см. в том же разделе Дигест).

¹⁰ Так, для римского юриста-классика Гая (II век) вопросы римского гражданства были очень важными, и этому он посвятил значительную часть первой книги своих Институций.

¹¹ Кодификацию дополняет 78 Новелла Юстиниана, не очень объемная по содержанию (две-три страницы современного текста), которая подтверждает эдикт 212 года Римского императора Каракаллы (211-217), предоставлявший Римское гражданство всем жителям империи.

¹² Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты... С. 242.

¹³ Например, 131 Новелла в 545 году провозгласила решения Вселенских соборов законами империи.

¹⁴ К примеру, 23 Новелла о реорганизации провинции Писидия.

¹⁵ В дальнейшем, в Новое время, кодификация Юстиниана была основой для всех последующих кодификаций, так как была произведена на очень высоком уровне. См.: Lerner R. E., Meacham S., Burns E. M. *Western civilizations...* P. 240.

¹⁶ Удалцова З. В. Из византийской хронографии VII в. Иоанн Лаврентий Лид. Пасхальная хроника. ВВ, 1984, Т. 45. С. 56-58.

Империя и Церковь

Как известно, со времени императора Константина Великого начинается постепенная христианизация Римской империи. В стройную систему также оформляются догматика, что во многом происходит на Вселенских соборах. Можно считать, что к VI веку ортодоксальная вера практически сформировалась, также оформились и наиболее крупные еретические конфессии: арианство, монофизитство, несторианство и др. В то же время Церковь и государство все более и более сближаются, и империя превращается в христианскую державу,

что изменяло все сообщество. А отношения между государством и Церковью становятся важнейшим фактором общественной жизни. Споры о христианских догматах, начиная с IV века, становятся вопросами государственной важности. Взаимоотношения между Церковью и государством находят отражение как в законодательстве империи, так и в трудах Отцов Церкви. Если на Западе начинает господствовать точка зрения Аврелия Августина о государстве, то на Востоке главным теоретиком становится Евсевий Памфил, который создает учение о христианской империи. Задачей последней является забота об организации жизни подданных в этом мире и наставление их на путь спасения¹.

Отношения между империей и Церковью в IV—V веках не были простыми. Во многом это было связано с постоянными конфликтами внутри самого христианства. Создать какое-то единое учение, которое устраивало бы всех, так и не удалось. Императоры в ходе этой борьбы примыкали то к тем, то к другим направлениям христианства, пытаясь использовать их в целях политической выгоды. Например, некоторые императоры V—начала VI века (Зенон и Анастасий), отступили от Халкедонского толкования Божественной и человеческих природ Христа и ориентировались на монофизитское понимание.

Для времени Юстиниана характерна очень большая активность в вопросах веры, которым придавалось первостепенное значение. Об этом свидетельствует и тот факт, что законодательство, а конкретнее — первая часть первой книги Кодекса, начинается с Церковного права. Ибо, как сказано в Кодексе Юстиниана, именно наведение порядка в Церкви должно стать опорой империи (CI. 1,3,42; CI. 1,4,34). Цель закона — помощь Церкви в осуждение неправильных учений (CI 1,1,1), что должно было стабилизировать державу ромеев.

Вопросы веры, по мнению Юстиниана, связаны с интересами всего общества (Nov. 3, praef.), следовательно, вмешательство государства в церковные дела и христианские догматы понимается им как обязанность императора. Симфонию государства и Церкви² Юстиниан понимает не как Евсевий, не как гармоническое взаимодействие между обеими структурами, а как одно тело. Государство и Церковь есть единое целое³, которым управляют как светская, так и духовная власти, но

за благоустройство всего организма в целом ответственен император⁴. Поэтому Церковь включена в единую правовую систему, единое имперское законодательство и находится под покровительством василевса.

Церковь Юстиниан стремился лучше организовать. Для этого его законодательство регламентирует порядок избрания епископов и посвящения в сан священников. Там указывается о необходимости избрания священников только из достойных лиц (CI. 1,13,41 и 47; Nov. 123). Подробно расписывается, как необходимо управлять имуществом приходов и монастырей (CI. 1,2). Этим Юстиниан пытается бороться против нерационального использования и расхищения достояния Церкви⁵. Законодательство переполнено бесконечными поучениями, как должны себя вести священники и монахи (CI. 1,4,34; Nov. 5,3; Nov. 133). Здесь есть разнообразные советы, как патриархам надзирать за епископами, а тем за священниками и монахами, чтобы церковное устройство и святые каноны исполнялись (Nov. 123). В то же время кодификация предписывает священников к особой юрисдикции (CI. 1,4,29 и 79; Nov. 123).

Для достижения единства веры необходимо было утвердить истинное апостольское учение (CI. 1,1,8,6). Закон закрепляет зафиксированный в решениях Вселенских соборов символ веры и официальное учение о Божественной и человеческой природе Иисуса Христа (CI. 1,1,8,0 и 12-19). Позже Юстиниан признал решения четырех Вселенских соборов равными по силе Священному писанию и уже в полном объеме провозгласил их имперскими законами (*Predictarum enim quattuor synodorum dogmata sicut sanctas scripturas accipimus et regulas sicut leges servamus.*) (Nov. 131,1).

Наведение порядка в Церкви есть не только административная регламентация ее дел, но и решение вопросов с еретиками, учениями, которые не совпадали с официальными догматами православия. Юстиниана очень беспокоила невозможность Церкви достичь единства и неспособность объединить в своих рядах всех жителей империи. Наиболее крупными течениями были монофизиты, несториане, ариане (последние находились главным образом на Западе, на вновь завоеванных Юстинианом территориях). Были также мелкие религиозные группы, это манихеи, самаритяне, иудеи (которых Юстиниан приравнял к

вероотступникам и еретикам)⁶. В Кодексе дана конкретная дефиниция еретических учений: ими являлись те, которые не отвечали канонам Вселенских соборов и которые не признавали единую католическую и апостольскую Церковь (СІ. 1,5,12,4 и СІ. 1,5,18,4).

Так как обязанность императора есть забота о спасении душ подданных (СІ. 1,5,18; Nov. 115,3 и 14), то Юстиниан организовал широкие преследования заблудших. Таким образом он пытался утвердить единство Церкви и всем показать свою борьбу за истинную веру (Nov. 109, sup.). По закону еретические учения осуждались (СІ. 1,7,6; Nov. 131,1). Права еретиков всячески ограничивались. Они были ущемлены в наследовании имущества, аренде земли, не могли свидетельствовать в суде против ортодоксальных христиан (СІ. 1,7,3,1; СІ. 1,7,4,3 и в других местах). Их храмы закрывались (СІ. 1,1,2), их изгоняли с государственной службы (СІ. 1,5,12,9), им воспрещались определенные профессии, к примеру, они не могли быть адвокатами, профессорами (СІ. 1,5,18,4). Священники, которые не принимали в полной мере официального учения Церкви, лишались сана (Euagr. IV,11). Еретикам запрещалось публично исполнять свои культы, они не могли собираться, производить обряд крещения, посвящать священников (СІ. 1,5,14 и 20). Наибольшими преследованиями подвергались манихеи, язычники, позже иудеи, самаритяне, а также варвары-ариане (последние после присоединения к империи Италии и Ливии)⁷. Цель преследования еретиков — уничтожить их, объединить всех жителей империи в единой Церкви, что было одним из направлений политики Юстиниана, для унификации империи. Национальный вопрос Юстиниану не был важен, важно было конфессиональное единство, что становилось базой единения всех подданных империи. Данное понимание стало характерным для Византии и в дальнейшем.

Однако несмотря на широкомасштабную борьбу с еретиками, все это было направлено главным образом против небольших религиозных течений и язычества. Против больших конфессий — монофизитов и несториан Юстиниан так открыто и жестко бороться не мог, так как их было очень много и широкомасштабные гонения на них могли расколоть государство. Император это очень хорошо осознавал. К тому же, монофизиты и несториане жили компактно, практически весь Египет

был монофизитский, тогда как в значительной части Сирии господствовало несторианство.

Про неодинаковые подходы василевса к разным религиозным течениям говорят источники. Например, известно, что жена Юстиниана Феодора симпатизировала монофизитам. Евагрий вообще прямо указывает, что она по своим религиозным взглядам была монофизиткой (Euagr. IV,10). Как известно, она по происхождению была из восточных провинций, где господствовало это направление. В то же самое время она не только имела большое влияние на мужа, но и претендовала на собственную политику⁸. Много лет под покровительством Феодоры при Юстиниане жил и имел с императором близкие отношения Иоанн Эфесский, который был открытым монофизитом⁹. В результате по отношению к монофизитам и несторианам жесткие нормы законов по борьбе с еретиками не соблюдались, и сам Юстиниан не требовал их исполнения.

Необходимо отметить, что у Юстиниана были определенные планы по отношению к монофизитам и к Риму (и западному христианству в целом). С ними он думал примириться, пытаясь объединить в единое христианское сообщество. В свою очередь, учение несториан было осуждено, но широкомасштабных гонений против них не предпринималось.

Конец V — начало VI века ознаменовались сложными отношениями между западной и восточной ветвями христианства. Восток тогда дистанцировался от Рима и пытался повысить роль константинопольского патриарха. В конце V века происходит первый разрыв между римским папой и константинопольским патриархом, когда патриарх Акакий (471-489) совместно с императором Зеноном (474-491) в 482 году издал документ,¹⁰ где фактически не признавалась двойная природа Христа. Можно сказать, что в это время в Константинополе победило монофизитство. Папа Феликс II (483-492) осудил этот акт и исключил из рядов Церкви авторов энотикона. В ответ на это патриарх Акакий совместно с другими монофизитскими патриархами экскоммуницировали папу. Так возникла первая схизма, уния была достигнута только в 519 году¹¹.

Юстиниан кардинально изменил политику. Взамен политики дистанцирования от Рима он предпринимал попытки объединить западную и восточную Церкви. Он не поддерживал политику по повышению роли Констан-

тинопольской патриархии как христианского центра. В законодательстве император везде подчеркивает примат Рима как апостольского престола над восточными патриархами (СЛ. 1,1,8,1 и 7-8). Фактически уже в Кодексе он подготавливал Риму место, которое тот должен был занять в общеимперском порядке после завоевания Италии¹². Позднее Рим действительно занял стабильное место в имперской системе. В то время как Константинополь был политической столицей империи, Рим стал центром вселенского христианства. Этим император пытался достичь консенсуса с папами, стремящимися упрочить статус Рима как центра христианства, ведь как политический центр Вечный город потерял свое значение еще в IV веке.

В то же время слишком сильно повышать роль Рима вовсе не входило в планы императора. Не забывались каноны II и IV Вселенских соборов (3 и 28), где Константинопольский патриарх ставился на второе место после Римского папы. Упоминались также патриархи Александрии, Антиохии и Иерусалима. А 6 Новелла фактически оформила представления Юстиниана о христианском сообществе: есть один император и пять иерархов Церкви, которые совместно управляют христианским миром. Лидером в этом раскладе, естественно, являлся василевс.

С монофизитами, как упоминалось, он пытался примириться. Также, как и Риму, им отводилось свое место в общеимперском порядке¹³. Для достижения этого Юстиниан искал такую формулировку догматов, которая устроила бы как ортодоксальных христиан, так и сторонников единого естества¹⁴. Вопросам теологии император посвящал, пожалуй, больше всего своего времени. Прокопий рассказывал, что василевс много времени проводил, работая над христианскими догматами, пытаясь урегулировать существующие там противоречия (Proc. BG. III,35). Чтобы достичь объединения с монофизитами, он осудил учения несториан. Для этого был созван V Вселенский собор, который ничего принципиально нового не принял, и объединение конфессий достигнуто там не было. Собор состоялся в Константинополе в 553 году, он осудил и признал еретическими работы Феодора, Феодорита и Ивы Эдесского (Euagr. IV,38), которые имели несторианский уклон. Также было осуждено учение Оригена, которое, по выражению Евагрия, хотело «чистоту апостольских

догматов... наполнить эллинскими и манихейскими плевлами» (Euagr. IV,38).

Относительно различия во Христе двух природ после их соединения собор высказался, используя формулировку, общепринятую до той поры только у монофизитов: две природы различаются «только в созерцании», то есть в нашем уме, «на словах и в мыслях, а не в конкретном смысле». Это означало, что никакая реальная жизнь одной из природ отдельно от другой невозможна, хотя различия самих реальностей этих природ сохраняется¹⁵.

Примириться с монофизитами, преодолеть все противоречия и присоединить их к единой ортодоксальной Церкви так и не удалось. В принципе, принимая во внимание большие противоречия между конфессиями, это и не представлялось возможным. В то же время данные деяния Юстиниана вызвали противодействие Рима. Папа Вигилий (537-555) отказался принять участие в V Вселенском соборе и только под давлением императора письменно признал принятые там каноны (Euagr. IV,38). Позже за попытки василевса найти примирение с монофизитами некоторые представители Церкви обрушивались на Юстиниана с критикой. Так, Евагрий писал, что император уклонился от истинного апостольского учения и стал учить как монофизит, называл Тело Господне не подлежащим тлению и непричастным естественным и невинным страстям (Euagr. IV,39).

Стремление Юстиниана в своей политике создать из государства и Церкви единый организм под руководством императора позволило большинству исследователей назвать этот феномен цезарепапизмом¹⁶. В то же время единение Церкви и государства в Византии рассматривалось как две опоры общества, как единение души и тела¹⁷. Полагаем, что говорить о полной доминанте государства над Церковью в данном случае некорректно. Без сомнения, православная Церковь в Византии находилась в обстоятельствах, где сильная государственная власть ограничивала ее влияние¹⁸. Однако полного слияния государства и Церкви не происходило. Обе структуры существовали параллельно, хотя, конечно, зависели друг от друга. К тому же вовсе не все императоры в Византии так усердно, как Юстиниан, опекали Церковь.

Однако справедливо, что эпоха Юстиниана явилась периодом наибольшего влияния

государства на Церковь¹⁹. Император поступал с иерархами Церкви, как со своими чиновниками: сам их назначал на должности и смещал, неугодных лиц зачастую ссыла²⁰. Как известно, папа Вигилий в последние годы своего понтификата находился фактически под арестом у василевса в Константинополе²¹. Патриархов, которые не разделяли его политику, он отстранял от занимаемых должностей (Euagr. IV, 11 и 37). Религиозная политика Юстиниана была нетерпимой и жесткой, но ее результаты были ничтожными²². Основные ее цели так и не были достигнуты.

Несмотря на стремление Юстиниана быть учителем веры, его деятельность осуществлялась для реализации политики по унификации империи и не более того. Сам он не стремился стать главой Церкви. Поэтому нет оснований говорить о Византии как о теократическом государстве, что пытались делать известный английский историк С. Рансимен и французский исследователь А. Дюселье²³. Некорректно также время Юстиниана определять как эпоху триумфа концепции восточного деспотизма²⁴. Действия Юстиниана в делах Церкви и других вопросах были не результатом его стремлений к деспотической власти, а результатом общего направления его внутренней и внешней политики.

Как законодательство, так и религиозная политика Юстиниана были направлены на объединение и унификацию империи, что, без сомнения, также стало проявлением идеи империи. Это были инструменты, на которые опиралась власть. У каждого из них было свое место в общеимперском порядке. Право было направлено на организацию лучшего управления обществом, в котором было много проблем. Религиозная политика ориентировалась на объединение общества на базе истинной веры в единой вселенской Церкви. Это относилось как к населению собственно Восточной империи, так и к жителям бывшей Западной Римской империи, где до завоеваний Юстиниана господствовали варвары. В это время христианизация фактически заменила романизацию, и поэтому вопросы веры были так важны императору. Поэтому он много времени и усилий тратил на попытку объединения разных христианских конфессий, наведение в Церкви порядка, борьбу с еретиками, ибо все это служило его политическим целям. Вопрос о национальной принадлежности не был ва-

жен. Объединяющим моментом была единая вера. Кодифицированное право и христианская Церковь начали служить миссии империи, чтобы через гармонизацию общества и правильное управление вывести подданных на путь спасения. Это становится также персональной обязанностью императора.

Стоит отметить, что все эти усилия императора по унификации, а также его активная внешняя и внутренняя политика не всегда находили поддержку у современников. Часто все это воспринималось как насилие над обществом, непомерная растрата ресурсов империи, нарушение традиций государства. Вспомним, например, яростную критику императора Прокопием Кесарийским в «Тайной истории». Однако это несколько не мешало продвижению в жизнь политических и идейных тенденций, которые завершали формирование новой цивилизации.

Примечания:

¹ Подробнее об этом: Foakes-Jackson F. J. Eusebius Pamphili. A study of the man and his writings. Cambridge: Heffer, 1933. P. 145-149; Baynes N. H. Eusebius and the christian empire. Melanges Bidez, 1944, Vol. 2, P. 13-18; Кривушин И.В. Ранневизантийская... С. 116-117.

² Идею гармоничного взаимодействия между государством и Церковью ввел Евсевий Памфил в первой половине IV в. Позднее это было названо симфонией. Сущность этой концепции – уподобление земной империи «Царству Божьему». См.: Рудовакс А.Д. Очерки религиозной политики Римской империи времени императора Константина Великого. (Страницы не указаны). Доступен: <http://www.centant.pu.ru/aristeas/monogr/rudokvas/rud010.htm>; Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия. Пер. с англ. М.: Наука, 1998. С. 152-154.

³ Для мирозерцания Средневековья (а время Юстиниана стояло на пороге этой эпохи) становится характерна метафоричность. Посредством метафор – сравнений с человеческим телом – часто разъясняют общественное устройство, это становится феноменом сознания. См.: Struve T. Die Entwicklung der organologischen Staats Auffassung im Mittelalter. Stuttgart: Hiersemann, 1978.

Уже во время Юстиниана все общество начинают отождествлять с христианской общиной, поэтому сравнения тела с обществом делаются таким же образом, как апостол Павел истолковывал христианскую общину. «Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все чле-

ны одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, – так и Христос» (I Кор. 12,12).

⁴ Мейендорф И. Византийское наследие в Православной Церкви. Пер с англ. Киев: Центр православной книги, 2007. С. 66.

⁵ Сильвестрова Е.В. Новелла III Юстиниана и юридическая природа прав Церкви Константинополя на ее имущество в начале VI в.н.э. ВВ, 2006, Т. 65. С. 35.

⁶ Brewer C. The Status of the Jews in Roman Legislation: The Reign of Justinian 527-565. *European Judaism*, 2005, Vol. 38, Nr. 2. P. 127-139.

⁷ Подробнее про это: Диль Ш. Юстиниан и византийская... С. 335-336.

⁸ Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия. Пер. с англ. М.: Наука, 1998. С. 165.

⁹ Удальцова З.В. Развитие исторической мысли. В кн.: Культура Византии: IV – первая половина VII в. Удальцова З.В. (ред.). М.: Наука, 1984. С. 229.

¹⁰ Это был догматический документ императора Зенона, он имел силу закона. Лурье В.М. История византийской философии. СПб.: Аxioma, 2006. С. 123.

¹¹ Trūps H. Katoļu Baznīcas vēsture. Rīga: Avots, 1992. 98.lpp.; Дворник Ф. Идея апостольства в Византии и легенда об апостоле Андрее. Пер. с англ. СПб.: Гуманитарная академия, 2007. С. 124-157; Постнов М.Э. История христианской церкви. Киев: Издание христианской благотворительной просветительской ассоциации „Путь к истине“, 1991. С. 529-530.

¹² Мейендорф И. Византийское наследие... С. 67.

¹³ Подробно про политику Юстиниана по отношению к монофизитам см.: Evans J.A.S. The Age of Justinian: The Circumstances of Imperial Power. London: Publication Year, 2000. P. 105-112; Грацианский М.В. Политика императора Юстиниана Великого по отношению к монофизитам. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М: МГУ, Исторический факультет. (Страницы не указаны). Доступен: <http://www.hist.msu.ru/Science/Disser/Gratsianskii.pdf>

¹⁴ Так часто монофиты именовались в источниках.

¹⁵ Лурье В.М. История... С. 151; Мейендорф И. Введение в Святоотеческое Богословие. Пер. с англ. Минск: Лучи Софии, 2007. (Страницы не указаны). Доступен: http://krotov.info/library/m/meiyendrf/patr_24.html

¹⁶ Цезарепапизмом именуют данный фено-

мен такие авторитетные исследователи как Ж. Дагрон, И. Мейендорф и другие, см.: Дагрон Ж. Восточный цезарепапизм (история и критика одной концепции). Пер. с франц. В кн.: Сборник статей, Чичуров И.С. (ред.). М.: Индрик, 2000. С. 80-99. Доступен: <http://portal-credo.ru/site/index.php?act=lib&id=177>; Мейендорф И. Византийское наследие... С. 68.; так же Лозинский С.Г. История папства. М.: Издательство политической литературы, 1986. С. 38-39.

¹⁷ Муравьев А. Церковь и государство в византийском представлении. Отечественные записки, 2001, Nr. 1. (Страницы не указаны). Доступно: <http://magazines.russ.ru/oz/2001/1/mur.html>.

¹⁸ Удальцова З.В., Котельникова Л.А. Власть и авторитет в Средние Века. ВВ, 1986, Т. 47. С. 9.

¹⁹ Рансимен С. Восточная схизма... С. 165.

²⁰ Диль Ш. Юстиниан и византийская... С. 362.

²¹ Малала описывал гнев Юстиниана против папы Вигилия и гонения против него. Позднее имя папы было изъято из Церковных диптихов (Mal. XVIII).

²² Диль Ш. Юстиниан и византийская... С. 374.

²³ Runciman S. The Byzantine theocracy. Cambridge: Cambridge University Press, 1977; Ducellier A. Les Byzantins: Histoire et culture. Paris. 1988.

Ставить вопрос о византийской теократии возможно только в контексте вопроса о власти. Раз власть от Бога, а император лишь исполнитель воли Всевышнего, то сам Господь и есть истинный правитель Византии.

²⁴ Donīni A. Kristietisma sākumi. (No rašanas līdz Justiniānam). Rīga: Zinātne, 1984. 295. lpp.

Заключение

Итак, мы можем сделать вывод, что внутренняя и внешняя политика Юстиниана в Византии того времени была направлена на воплощение имперской идеи, которая принципиально отличалась от идеи империи в Древнем Риме. Это было отражено и в государственной идеологии, и в сочинениях современников. Несмотря на определенную противоречивость, столкновение разных традиций, в основных своих элементах эта идея представляла определенную целостность. Это идея ойкуменического государства — прямого продолжения Римской империи — имеющего особую связь с Всевышним. Император вос-

принимался как владыка всего сущего, представитель Бога на земле, власть которого была как от Бога, так и от народа одновременно. Необходимым признавалось восстановление власти империи на потерянных территориях в Западной Европе, входивших, согласно тогдашним представлениям, в единый «Римский мир»; приспособление римского права для управления и унификации христианской империи; объединение жителей государства на основе единства веры (а не путем их романизации). Цель — спасение душ подданных, что становится миссией империи, смыслом существования Византии и главной задачей государственной власти.

Слияние античных и христианских традиций (то есть восприятие Византии как Римской империи, античные и христианские традиции в понимании власти и ее источников плюс использование языческого римского права и христианской Церкви для управления и унификации) создало в Византии определенный дуализм, симбиоз двух начал, который был характерен для империи на протяжении всей ее истории.

Сформулированный нами концепт идеи империи в Византии в одну из самых ее ярких исторических эпох, без сомнения, раскрывает концепты и других империй, существовавших как до, так и после Ромейского государства. Это видно по объединяющим их элементам,

представляющим нам структуру: это идеи о происхождении империи (присутствие какого-то предшественника, чьим последователем якобы настоящая империя является), представление об исключительности и наличие миссии, восприятие властителя как владыки всего сущего с претензиями на власть над всей ойкуменой¹, стройная теория власти с определенными ее задачами, стремление к универсальности и унификации (ибо идея империи проявлялась не только через слова, но и через дела).

Из всего этого следует, что время Юстиниана было одним из важнейших для истории Византии и для формирования основополагающих черт ее цивилизации. Потом многое из этого наследия использовалось как в Восточной, так и в Западной Европе.

Примечания:

¹ Империи в Новое время (прежде всего речь идет о XIX в.) во многом потеряли ойкуменический характер, поскольку одновременно, по соседству, существовало сразу несколько крупных государств (Австро-Венгрия, Великобритания, Германия, Россия), каждое из которых в полной мере не могло претендовать на свою исключительность. Но, в какой-то степени, возрождение главных имперских принципов произошло в XX веке.